

«Это сказочное фэнтези
вас не разочарует».

KIRKUS

ЖЕТОКИЕ

ДУХИ

КЭТЧО

Кумихо

КЭТ ЧО

Жестокие духи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Чо К.

Жестокие духи / К. Чо — «Эксмо», 2020 — (Кумихо)

ISBN 978-5-04-174022-1

«Жестокие духи» — продолжение «Злой лисицы» Кэт Чо. Атмосферная фэнтези-диалогия, основанная на корейской мифологии. Гоблины, магия и настоящая любовь — книга идеально подойдет фанатам корейских дорам и поклонникам Акси О и Джуди И. Линн! После всего случившегося только Сомин готова помочь своим друзьям собрать осколки разбитых жизней и исцелиться. Но Джихун все еще оплакивает свою бабушку, а Миён скорбит о смерти матери. К тому же Миён теперь должна научиться жить без своей лисьей бусины. Единственный, кто, кажется, готов двигаться вперед, — это всеобщий «любимец», токкэби Чуну. Сомин и Чуну не сразу удастся найти общий язык: он кажется Сомин высокомерным корыстным аферистом, а ее враждебность забавляет Чуну. До тех пор, пока Чуну не осознает, что его необъяснимым образом тянет к Сомин. Ей тоже не удастся скрыть свое влечение. Пока они пытаются разобраться в своих чувствах, Сеул внезапно наводняют призраки: потеря лисьей бусины Миён вызвала разрыв между мирами живых и мертвых. Единственный способ закрыть источник — найти пропавшую бусину. Или заставить Миён заплатить своей жизнью. Удастся ли Чуну и Сомин побороть разногласия и найти иной путь спасения? «Это сказочное фэнтези вас не разочарует». — Kirkus

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174022-1

© Чо К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
1	8
2	10
3	13
4	17
5	22
6	29
7	34
8	35
9	41
10	43
11	47
12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кэт Чо

Жестокие духи

© Скокло И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Моей сестре,
Дженнифер Магера, – ты мой герой
и мой человек!*

Пролог

Как и в любой трагедии, все произошло потому, что он любил.

На пороге зрелости молодой человек встретил девушку. Она была красива, и все в городе желали ее – в том числе и могущественный сансин ¹, о чем юноша, впрочем, не догадывался.

Многие ученые и дворяне предлагали ей свою любовь, но она выбрала его, никому не нужного младшего сына из семьи низшей знати. Она призналась ему в любви, и они собирались пожениться.

В подарок своей будущей невесте юноша заказал керамическую вазу.

Он не подозревал, что она готовила подарок ему взамен. Девушка, которую он любил, была не обычной девушкой. Она была лисой, кумихо ², и она хотела стать человеком ради него. Но сансин, который жаждал девушку, обманул ее. Он убедил ее в том, что она сможет стать смертной, если уььет. Сто печенок съела она за сто дней. Только так могла она забрать ци ³ своих жертв – энергию, которая питает все живое в мире. Одного не знала она – мир требует равновесия. Забирая души других, лисица приносила в жертву свою собственную.

В ночь перед свадьбой она пришла к своему жениху.

Он проснулся, увидел, как оmyвает ее лунный свет.

И съежился в страхе перед ней. Ибо была она не человеком, а наполовину женщиной, наполовину демоном. Девять хвостов обвилились вокруг девушки, открывая ее истинную сущность, а душа ее была окутана тенями.

Он отверг ее любовь. И тогда, отчаявшись, опоенная ци кумихо набросилась на него и в слепой ярости убила.

Но не оборвалась его жизнь: он проснулся вновь. Только не как человек, а как чудище. Токкэби ⁴. Шаманка, что служила сансину, прокляла юношу и обрекла его вечно бродить по земле в теле чудовища-гоблина.

В отчаянии он хотел убить шаманку. Но не успел он этого сделать: шаманка соврала, что это кумихо попросила ее проклясть его в отместку за отказ жениться на ней. И тогда шаманка дала юноше шанс отомстить самому. Она помогла ему заточить кумихо до конца ее бессмертной жизни. Та ваза, что должна была стать его свадебным подарком, стала тюрьмой для лисицы.

А Чуну на всю жизнь остался токкэби.

¹ Сансин (кор. ##) – горное божество.

² Кумихо (кор. ###) – букв. «девятихвостая лисица», мифическая бессмертная лиса из корейского фольклора.

³ Ци (кор. #) – человеческая энергия, также известная в культуре восточноазиатских стран как ци, чи и джи.

⁴ Токкэби (кор. ###) – гоблины; существа из корейского фольклора, обладающие магией и умеющие общаться с людьми. Иногда они помогают людям, иногда обманывают их.

1

Миён любила свою мать.
Миён оплакивала свою мать.
Мать Миён преследовала ее.

Раньше она нечасто видела сны, а когда видела, то они были о ее жертвах. Но теперь, похоже, ей снилась и мать.

Ночью Ку Йена пришла к Миён. Ее кожа была такой бледной, что казалась прозрачной. Возможно, именно так и выглядят кумихо, когда умирают. Они становятся призрачными существами, преследуют вас.

– *Омма*⁵, – сказала Миён. *Этим невинным словом маму зовут дети. Миён не называла так Йену с самого детства. Лишь однажды. Однажды, когда Йена умерла у нее на руках. – Прости.*

– *Прости?* – *На пороге смерти голос Йены звучал глухо, отстраненно. Дрожь пробежала по спине Миён.*

– *Я должна была спасти тебя.*

– *Как ты могла спасти меня, если и себя спасти не можешь?* – *спросила Йена, и в ее словах, тяжело повисших в воздухе, прозвучала тоска. Это был не вопрос, скорее обвинение.*

– *Что ты такое говоришь?* – *По спине Миён холодком пробежал страх.*

– *Ты не можешь спасти себя, потому что даже не знаешь, в какую беду ты попала. Моя милая девочка. Моя глупая секки-я*⁶.

Слова задела Миён, но она не могла медлить.

– *Какая беда? Ты про то, что у меня нет ёву кусыль?*⁷ – *Миён и до этого беспокоилась, что потеря лисьей бусины худо обернется. Но она и представить не могла, что на ее матери это тоже отразится.*

Йена отвела взгляд. Свет в ее глазах запульсировал, а затем исчез вовсе.

– *Я плохо подготовила тебя.*

– *Нет, ты сделала для меня все, что могла.*

– *А теперь тебе придется справляться самой.*

– *Как?* – *Холод проник в Миён так глубоко, что свело кости.*

– *Хотела бы я, чтобы у нас было больше времени. – Йена вздохнула и начала таять, растворяясь в темноте.*

– *Омма!* – *вскрикнула Миён. Холод со спины перетек к ногам и рукам. Она едва могла двигаться, как будто сама ее кровь замерзла.*

– *Как ты будешь дальше жить без меня?* – *спросила Йена. – Как ты собираешься выжить?*

– *Возможно, я не сумею, – ответила Миён за мгновение до того, как ее тело окаменело. До того, как она стала каменной, такой холодной, что не могла даже пролить слезы, стоящие в глазах.*

– *Возможно, ты не сумеешь, – повторила Йена, прежде чем мир превратился в ледяную пустоту. Пустоту, что была темнее самой тьмы, вакуум, поглощающий все, к чему прикасается.*

И когда Миён проснулась, ее глаза горели. Не от слез. Ее щеки были сухими, как кость.

⁵ Омма (кор. ##) – мама, мамочка.

⁶ Секки, или секки-я (кор. ##) – букв. «детеныш», часто используется сленговое ругательство, которое точнее всего будет перевести как «ублюдок», хотя иногда могут ласково называть так ребенка (зависит от ситуации).

⁷ Ёву кусыль (кор. ####) – лисья бусина.

Когда Миён начала сниться погибшая мать, она подумала, что это всего лишь сны. Своего рода защитная реакция. Что так она оплакивает потерю. Но теперь она беспокоилась, что сны означают нечто большее. Что-то было не так. С тех пор как Миён потеряла лисью бусинку, ей казалось, что она живет в каком-то странном пограничном состоянии. Не совсем человек, но и не совсем кумихо. К тому же Йена приходила к ней все чаще и чаще. А ее загадки становились все более угрожающими. Все это наверняка связано.

2

Чуну любил выгодные сделки. Иногда он ненавидел заниматься бизнесом.

Но доллар есть доллар, чья бы рука тебе его ни дала.

Чуну повторял себе это снова и снова, пока... клиент объяснял, что ему нужно.

– Думаю, я понял, – сказал Чуну.

Существо перед ним фыркнуло, обдав Чуну затхлым дыханием. Одето оно было в мешковатые брюки и плохо сидящую рубашку. И в поношенное пальто, хотя на улице стояла изнуряющая августовская жара. С широкого лица с большим носом на Чуну смотрели глубоко посаженные глаза. Кожа у существа была красная, как у человека, который всю жизнь провел у бутылки. Или как у твари, в существование которой верили только семилетние детишки.

Токкэби. Тот самый гоблин, который украшал страницы сказок и мифов.

И Чуну был одним из них. Он первым понял, что существуют разные виды токкэби, хотя, если бы кто-нибудь заинтересовался этим вопросом, он бы тоже наверняка это выяснил.

Чуну был чхонгак токкэби, токкэби-холостяком, единственным видом, способным очаровывать других. Эти токкэби были настолько прекрасны, что захоти они – и любой бы пал к их ногам.

Так что, несмотря на то что мускулистое, туповатое существо перед ним тоже носило имя токкэби, Чуну никогда бы не назвал его сородичем.

– Думаю, у меня должно быть что-нибудь, что поможет с вашей... проблемой, – деликатно проговорил Чуну. Он не хотел давать токкэби возможность посвятить его в свои изверские замыслы.

– Хорошо, – пробормотал токкэби. – Не думал, что ты согласишься. Я никогда не слышал, чтобы кто-то нашего рода был торговцем.

– А, понимаю, – спокойно сказал Чуну, хотя внутри у него все горело от возмущения и раздражения. Возмущения, потому что большинство токкэби, несмотря на ужасную гигиену и вкус, смотрели на него свысока. И раздражение, потому что он знал, что это не должно задевать его, однако задевало. – Скажите, как вы узнали о моих услугах?

– Я особо не скрывал своих планов, и однажды появился этот парень, определенно не человек. Но я никогда раньше не встречал таких, как он. Он был почти похож на бога.

– Божество рассказало вам о моем бизнесе? – удивился Чуну.

– Нет, он не бог. Просто держался так, словно он выше всех нас.

При этих словах в голове Чуну что-то вспыхнуло.

– В любом случае он рассказал мне о тебе, но я не был уверен. Все-таки покупать что-то у токкэби – затейка так себе. – Гоблин глянул на Чуну.

Он бы оскорбился, не будь это правдой: хотя токкэби и славились своей ненасытной жадностью, зарабатывать им не было нужды. Они могли сыскать богатства с помощью панмани⁸ – своего волшебного гоблинского посоха, которым некоторые не самые дружелюбные токкэби заодно и врагов избивали. Единственное, что токкэби любили больше денег, – это обман и шалости. Поэтому токкэби, который ведет бизнес – даже если это продажа талисманов на черном рынке, – определенно выглядит подозрительно. Как мошенник, только и жаждущий прибрать к рукам все твои денежки.

– О, вообще он просил кое-что тебе передать. – Токкэби щелкнул пальцами. – Он велел сказать, что меня послал Хёк, и тогда ты мне точно поможешь.

⁸ Панмани (кор. ###) – огромная дубинка токкэби, которую те используют в драках, а также чтобы материализовать все, что они пожелают.

– Ах вот как, вот как... – отвернувшись к большому деревянному сундуку, Чуну принялся рыться в товарах. Только так он мог скрыть удивление. Хёк. Чосын саджа ⁹. И знакомый из прошлого Чуну, которое тот предпочел бы забыть. «Чего хочет от него этот старый жнец?» – в недоумении размышлял Чуну, роаясь в десятках маленьких ящичков, в которых хранились разные безделушки и волшебные зелья. Он перелопатил целую кучу, прежде чем нашел то, что искал.

Гоблин захохотал, и Чуну испугался, что тот собирается напасть. Но потом он осознал, что это смех, и понял, что будет дальше.

– Ты не можешь просто призвать его?

– Мой панмани остался в магазине.

– У тебя его нет? Ни один токкэби в жизни бы не расстался со своей дубинкой, – проворчал токкэби.

– Наверное, я не такой, как другие токкэби, – пробормотал Чуну.

– То есть колдовать ты не можешь? – засмеялся токкэби.

Чуну стиснул челюсти, чтобы не рывкнуть. Так будет лучше. Не стоит терять хладнокровие перед клиентом, даже таким тупым. Ладони горели – он чуть ли не до крови впился в них ногтями. Чуну медленно разжал кулаки и повернулся, изобразив на лице приветливую улыбку.

– Ну, вам повезло: для вашей просьбы магия мне не понадобится. – Чуну поменял конверт, который он выбрал первым, на тот, что был под ним. – Думаю, с этим вы далеко пойдете.

– Странный ты токкэби. Работаете, как какой-нибудь человек, – усмехнулся гоблин.

Чуну стиснул зубы, но заставил себя улыбнуться. Он вытащил золотой талисман из конверта.

– Я сказал, это должно вам помочь.

Токкэби нахмурился, но наклонился рассмотреть талисман. Пальто на нем слегка распахнулось, и Чуну заметил деревянную рукоять. Панмани токкэби.

Интересно, задумался Чуну, сможет ли он ее выхватить? Да и послушается ли она его? У него так давно не было дубинки...

Ему нестерпимо хотелось потянуться к рукоятке, но токкэби первым протянул руку к конверту. Толстую, мясистую. Эта рука вполне могла бы разорвать Чуну напополам. Если он и мог чем-то похвастаться, так это осмотрительностью.

Чуну отступил назад, не давая токкэби схватить конверт.

– Один миллион вон. – Вдвое больше обычной цены, но гоблин его разозлил.

Токкэби усмехнулся, но достал из-под пальто посох. Он отряхнул его от пыли, и по запаху, который донесся до Чуну, стало ясно, что одежду гоблин стирал нечасто.

Токкэби глухо стукнул посохом о пол, и в руке у него появилась небольшая пачка банкнот. Это была магия посоха гоблинов. Удобный трюк: токкэби мог призвать все, что душе угодно, из своего тайника. В этом Чуну ничем не отличался от своих братьев, только вот ему приходилось задействовать разум, чтобы зарабатывать деньги, а не магию.

Чуну выхватил наличные из руки токкэби и с вежливой улыбкой протянул конверт. Небольшого обмана с ценой хватит, чтобы проучить надоедливый клиент. Неуклюжий гоблин вышел из дома, и Чуну шепотом взмолился любому богу, который готов был слушать, чтобы талисман унес этого токкэби далеко-далеко от его порога.

Когда дверь закрылась, Чуну подумал о словах ушедшего клиента. Его послал Хёк. Значит, Хёк в царстве мертвых. Иначе он не смог бы разговаривать с токкэби. Чуну чуть было не достал телефон, но передумал. Ради чего бы ни оказался жнец в мире мертвых, Чуну не хотел иметь с ним никаких дел.

⁹ Чосын саджа (кор. #####) – в корейской мифологии мрачный жнец (см. также Примечания). Одет обычно в свободный черный халат и кат – черную шляпу, которую носили во времена династии Чосон.

Жил когда-то в бедной семье мальчик, который каждый день ходил в лес нарубить дрова, чтобы продать их в деревне и помочь прокормить семью. Однажды днем он наткнулся в лесу на ореховое дерево. Мальчик взобрался на него и собрал грецких орехов для всей семьи, а затем сел среди ветвей и наелся досыта. Он потерял счет времени, и вскоре стемнело. Зная, что в темноте он не сможет найти дорогу домой через лес, мальчик вспомнил о маленьком заброшенном домишке, стоявшем на обратной дороге. На полу он спать не хотел: вдруг грызуны прибегут? Так что мальчик забрался на стропила и быстро заснул.

В полночь его разбудили непонятные звуки. Внизу он увидел нескольких токкэби. Они хвастались тем, что сумели натворить в тот день. Один весь день висел на хвосте быка. Другой дразнил непослушного мальчика. Третий громко танцевал под полом, пугая обитателей дома. Наконец, еще один токкэби сказал, что пришло время прекратить болтовню и начать пировать.

Он вытащил посох и, стуча им по полу, закричал:

– Тудурак так-так, выходи, еда, выходи, питье!

Не успел он стукнуть посохом в последний раз, как из ниоткуда появились еда и питье. Посох этот был панмани, волшебной дубинкой призыва. Токкэби танцевали и ели досыта. И все это время мальчик наблюдал. Увидев пир, он проголодался. Он достал несколько грецких орехов и начал раскалывать их зубами. Токкэби услышал треск и закричал:

– Крыша ломается! Она сейчас рухнет! – И они все выбежали из хижины.

Мальчик спустился вниз, наелся досыта, а затем забрал панмани, который уронил один из токкэби.

На следующее утро мальчик вернулся домой. Его родители очень волновались за него, думали, что его съел тигр, но мальчик все им рассказал и показал магию посоха. Они возликовали: теперь им никогда не придется беспокоиться о еде.

Но разнеслись слухи о приключениях мальчика и его сокровище. Сын богатого торговца, который ни дня в своей жизни не работал, решил, что тоже хочет панмани, хотя его семья никогда не знала голода и ни в чем не нуждалась. Он упрямил бедного мальчика поведать о его приключении, а потом убежал в лес. Сначала он нашел ореховое дерево, наелся досыта и набил карманы грецкими орехами. Затем он побежал к хижине, забрался на стропила и стал ждать полуночи.

В назначенное время пришли в хижину токкэби и устроили пир. Богатый мальчик, увидев желаемое, не дал токкэби даже начать есть и громко расколол грецкий орех в зубах. Но на этот раз токкэби не обманулись. Они посмотрели вверх и увидели мальчишку.

– Опять ты! – закричали они и стащили ребенка со стропил. Они наказали мальчика, заколдовав его язык, чтобы тот вырос на сто метров в длину. А когда он пытался доковылять до дома, то упал в реку. Он бы утонул, если бы бедный мальчик не услышал его крики и не спас его. С того дня бедный мальчик больше не голодал, а богатый мальчик никогда не шел на поводу своих желаний.

3

Сомин ненавидела лето. В первую неделю августа было хуже всего – липко и влажно, а воздух казался слишком густым. А ее волосы до плеч, испорченные множеством домашних покрасок, были не в лучшем состоянии и от летней влажности ужасно пушились.

Иногда она мечтала уехать из Сеула, просто собрать вещи и уехать. И это желание нарастало с невероятной силой, как только наступало по-настоящему невыносимое лето, как сейчас. Но Сомин знала, что на самом деле она никогда не сможет уехать. Слишком много ответственности на ней лежало.

Одним из якорей, держащих ее в Сеуле, была маленькая квартирка над темным, пустым рестораном. Маленький ресторанчик хальмони ¹⁰ Джихуна раньше был оживленным местом, центром района. Но вот уже несколько месяцев он был закрыт. Под предлогом болезни хальмони домовладелец изменил условия аренды. И как только стало ясно, что Джихун не сможет платить, он получил уведомление о выселении. При одной только мысли об этом в Сомин вскипала кровь. Дверь квартиры на втором этаже была не заперта. Воздух внутри казался затхлым, как в капсуле времени. Но Сомин-то знала, что Джихун и Миён живут в этой квартире последние несколько месяцев. Странное стремительное развитие их отношений обеспокоило бы ее, если бы она не подозревала о скрывающихся в тени этого мира ужасах, по сравнению с которыми пара живущих вместе подростков – ничто. В отличие от подростков, эти ужасы без раздумий могут вырвать тебе печень или горло.

Сомин нравилось думать, что она крутая. Что она не из пугливых. Она никогда бы не убежала от драки, особенно если бы пришлось защищать родных. Тем не менее новость о том, что монстры из ее детских книжек действительно существуют, словно током ударила здравомыслящую материалистку Ли Сомин. Ей предстояло полностью изменить свой взгляд на мир. И для девушки, которая всегда считала себя правой, это было нелегко.

Сомин не знала, чего ожидала, закрывая за собой дверь, но точно не Ку Миён в фартуке, вытирающую пыль с полок.

– Я попала в альтернативную вселенную? – удивилась Сомин.

Миён подняла глаза. Она была прекрасна. Черные как смоль волосы, которые ниспадали до середины спины, длинные ноги, густые ресницы, пухлые губы. Но когда Сомин присмотрелась, то увидела беспокойство в поджатых губах Миён.

– Я умею убираться, – ответила Миён. – Я не безнадежная неряха.

– О, я и не сомневалась, – сказала Сомин. – Просто мне казалось, что вытирать пыль ниже достоинства кумихо.

– Ну, на самом деле я больше не кумихо, – пробормотала Миён.

Было странно осознавать, что ее новая подруга когда-то была кумихо, но еще страннее казалось, что теперь она перестала ею быть. Предательство, потерянные лисьи бусины, исчезнувший когда-то отец и чрезмерно опекающая мать...

Сомин выросла на историях о кумихо – девятихвостых лисицах, способных жить вечно, поглощая человеческую энергию. И однажды ночью ей пришлось смириться с тем, что они существуют в реальности и что одна из них хочет убить ее лучшего друга, Джихуна. Мать Миён, Ку Йена, если быть точнее. Кумихо, которая прожила сотни лет и была готова на все, даже убить – или умереть – ради Миён.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Сомин узнала секрет Миён, и порой у нее из головы вылетало, что Миён была не обычным человеком.

¹⁰ Хальмони (кор. ###) – бабушка, а также уважительное обращение к женщине старшего возраста.

Из спальни вышел Джихун – высокий худощавый парень с черными волосами, которые всегда выглядели растрепанными, как будто он только что проснулся после дневного сна, хотя чаще всего так оно и было. Он заметил Сомин и грустно ей улыбнулся. Эта улыбка не шла его красивому лицу. Оно больше подходило для ехидных ухмылок, от которых появлялись ямочки на щеках. Но, вероятно, сегодня у него действительно не было повода для веселья.

– Джихун-а¹¹, ты заставляешь свою девушку работать, а сам спишь весь день? – усмехнулась Сомин, но в ее словах не было укора.

Его улыбка стала немного шире, и на щеках появился намек на ямочки. Призрачный след приветливого мальчишки, с которым Сомин выросла.

– Миён сама вызвалась. Раз уж она решила взять на себя все скучные заботы, кто я такой, чтобы отказываться? – Он пожал плечами. Джихун никогда не оправдывался, но его откровенная честность только прибавляла ему очарования.

– Уж лучше вытирать пыль, чем пытаться привести в порядок ту черную дыру, которую ты называешь спальней, – отрезала Миён.

– Вот вы смеетесь, а когда правительство будет платить мне миллиарды долларов за изучение беспрецедентного природного явления – черной дыры в центре Сеула, вы пожалеете, – съязвил Джихун.

Сомин закатила глаза, но втайне обрадовалась, что ее лучший друг все еще может шутить в столь тоскливый день.

– Так чем тогда заняться мне? – Она взглянула на пустые коробки, разбросанные по комнате. Джихун с Миён даже кухонные полотенца до сих пор не упаковали. Возможно, потому что это были не просто вещи. Только они и остались у Джихуна от хальмони, которая его вырастила. А теперь ее нет. Сомин понимала, почему коробки все еще пустые: упаковать эти вещи – все равно что спрятать воспоминания.

Она потянулась за коробкой одновременно с Миён. Когда их руки соприкоснулись, она почувствовала искру, похожую на статический разряд. Это часто случалось, когда она прикасалась к бывшей кумихо, как будто скрытые способности Миён все еще жаждали энергии.

– Извини, – пробормотала Миён.

– Ничего страшного, – заверила ее Сомин. – Пока ты не пытаешься высосать из меня ци, можем оставаться друзьями.

Миён поджала губы. Ей все еще непросто было шутить о своей прежней жизни. Сомин не могла ее винить. В конце концов, полагала она, должно быть, очень тяжело выживать, отнимая чужие жизни.

– Тук-тук. – Входную дверь открыла мать Сомин. – Извините, я опоздала. Ужасные пробки! Я думала поехать на метро, но не хотела толкаться в потной толпе. Ненавижу общественный транспорт летом. Но, похоже, все остальные подумали так же и сели за руль. В общем, дорога заняла больше времени, чем я ожидала.

Сомин чуть не рассмеялась. Тяжело сказать, кто о ком больше заботился: она о матери или мать о ней. Ее мама горела, как искра, энергия, свет. А еще она была так рассеянна, что забыла бы где-нибудь собственный мозг, если бы тот не был надежно заперт в ее черепе. И хотя Сомин была всего лишь девятнадцатилетней старшеклассницей, именно она могла похвастаться большей ответственностью.

Никого в мире Сомин не любила так сильно, как свою мать, за исключением, может быть, Джихуна. Конечно, сложно назвать это семьей в традиционном значении слова, но Сомин считала их единым целым.

– Все в порядке, госпожа Мун, мы еще даже не начали, – успокоил ее Джихун.

¹¹ -а/-я (кор. – # / – #) – суффиксы -а и -я в конце имени обычно используются в общении между близкими людьми, как уменьшительно-ласкательные.

– Говори за себя, – пробормотала Миён.

– Хорошо, чем нужно заняться в первую очередь? – Мать Сомин хлопнула в ладоши и выжидающе посмотрела на дочь.

Теперь Сомин все-таки рассмеялась. Руководить вечно приходилось ей.

– Джихун, займись-ка ты своей черной дырой. Миён, уберешься в ванной? Мама, можешь взять на себя... – Сомин заколебалась и закончила: – Дальнюю комнату? – Она не могла заставить себя произнести «комнату хальмони».

Мама понимающе ей улыбнулась:

– Конечно. – Подхватив коробку, она направилась в дальнюю часть квартиры.

Джихун уставился вслед матери Сомин. Та зашла в комнату его хальмони и закрыла за собой дверь, но Джихун по-прежнему не двигался.

– Джихун-а, – позвала его Сомин.

– Заняться черной дырой в комнате, принял. – Его голос прозвучал чересчур живо.

– С ним все в порядке? – спросила Сомин у Миён, когда Джихун ушел.

– Кое-как выживает. – Миён взяла коробку и потащила ее в маленькую ванную.

Сомин вздохнула. Она спрашивала не об этом. Но она знала, что первые восемнадцать лет жизни Миён отгораживалась от остального мира. Для нее выживание было главной целью в жизни.

Жилая часть квартиры была небольшой и уютной. Видавший виды диван, провалившийся посередине от десятилетий использования. У дверной рамы трепетали желтые пуджоки¹² – талисманы, отгоняющие плохую энергию.

Сомин пошла на кухню и начала раскладывать по коробкам кастрюли и сковородки. Она подумала, не следует ли забрать еще и кружки с тарелками. Может быть, Джихун вспомнит о них позже? Или она зря заморачивается?

Она вытерла испарину на лбу и открыла холодильник в поисках какого-нибудь напитка, но тот был пуст. Честно говоря, Сомин понятия не имела, как эти двое выживали последние четыре месяца.

Входная дверь открылась. Снаружи раздался шум.

Это, должно быть, О Чханван, последний из их удалой компашки. Опаздывает, как обычно. Бессердечно надеясь выпустить пар на Чханване, Сомин вышла из кухни. Чханван был долговязым и нескладным юношей с короткой стрижкой, которая подчеркивала его слишком большие уши. Он ненавидел эту стрижку, но на ней настоял его строгий отец. Чханван был милым мальчиком, немного нервным, вероятно, потому, что богатый глава семейства слишком многого ожидал от своего первенца. Сомин всегда казалось, что Чханван справлялся бы гораздо лучше, будь в его жизни больше пряника и меньше кнута. Но она также знала, что нельзя совать нос в личные дела чужой семьи.

– Знаю, знаю. Я опоздал. Но я принес американо со льдом. – Чханван пытался удержать в равновесии подставку с напитками, и Сомин чуть не расплакалась от благодарности. В квартире не было кондиционера, и она уже зажалась. Но вдруг она замерла, увидев, кто стоит за Чханваном.

Если Чханван был нескладным, то второй парень отличался почти атлетическим телосложением. Хотя, надо сказать, Сомин ни разу с их знакомства не видела, чтобы Чуну занимался спортом. Ему прекрасно шла любая одежда. Шелковистые волосы были идеально уложены. Встретившись с ним взглядом, Сомин заметила, что глаза Чуну сияют. Она яростно уставилась на него в ответ.

– Как ты сюда попал? – возмутилась она.

¹² Пуджок (кор. ##) – талисман на удачу, любовь или для успокоения нервов. Пуджоки создают шаманы или монахи (см. Примечания).

– А что? Ты думала, я существую только в твоих снах? – Чуну подмигнул.
Сомин чуть не зарычала. Она действительно ненавидела этого токкэби.

4

Чуну никогда не притворялся святошей. Скорее наоборот. Даже будучи человеком, он никогда не старался выглядеть более добродетельным, чем остальные. Тем не менее чудовищем он тоже не был, хотя многие бы поспорили с этим утверждением – все-таки он гоблин. Но, честно говоря, соответствовать ожиданиям окружающих обычно было куда проще. Вот почему Чуну был немного озадачен, обнаружив себя на пороге квартиры Ан Джихуна. Или бывшей квартиры, догадался он, осмотрев разбросанные по полу коробки.

Он пожалел обо всех принятых им решениях в тот день. Физический труд Чуну ненавидел. Не так он представлял себе это воскресенье, когда утром проснулся.

А теперь путь ему преградила Ли Сомин, уперев руки в бока. Поза должна была выглядеть угрожающе, но Сомин лишь казалась ниже, чем есть. Чуну знал, что его рост составляет 185 сантиметров и если бы он сделал шаг вперед, то лицо Сомин уперлось бы ему прямо в грудь. Уморительное зрелище, если так подумать.

– И чего ты улыбишься? – ошетинулась Сомин.

Человека малодушного ее атака бы ужаснула. Ладно, ладно, даже Чуну немного испугался. Но за долгие столетия он научился искусству блефа. Да и человеком он не был.

– Держу пари, я бы мог положить тебя в карман, – отпарировал Чуну. Он точно знал, какую реакцию вызовет это у Сомин. И как по команде, та покраснела, мило надула щеки и сжала кулачки. Чуну переступил с ноги на ногу, готовый отпрыгнуть, если она решит наброситься на него. Он на собственном горьком опыте убедился, что Сомин не только лает, но и кусает.

И все же это того стоило: ее глаза вспыхнули. Заискрились, словно внутри у нее горел огонь. Чуну это всегда интриговало. Прямо не девушка, а фейерверк.

– Что он здесь делает? – набросилась Сомин на Чханвана.

– Я пришел помочь. Ищу работу, – ответил Чуну прежде, чем Чханван успел открыть рот.

– Чханван-а, и ты здесь. – Мать Сомин выбежала из комнаты хальмони. – Ой, можно я кофе возьму? – Она сделала глоток и, наслаждаясь напитком, закрыла глаза. – О, и Чуну пришел, – повернулась она к токкэби и ослепительно улыбнулась. – А я и не знала, что ты будешь.

Он одарил ее дружелюбной улыбкой, и щеки ее слегка зарделись. Чуну поклонился:

– Рад снова видеть вас, омони ¹³ Сомин.

– Ох, меня это слово старит, – хихикнула она.

– Ты и так старая, мама. – Сомин тоже взяла стакан с кофе.

– Да, но необязательно же об этом говорить. – Мама Сомин подмигнула Чуну.

Он рассмеялся, отметив про себя, что Сомин, увы, не унаследовала от матери хорошее чувство юмора.

– Хорошо, чем мы можем помочь? – спросил Чханван, поставив подставку с кофе на стол.

– Запакуете вещи в гостиной? – предложила мать Сомин.

Ворча, Сомин вернулась обратно на кухню. Вскоре Чуну услышал сердитый звон посуды.

– Заверните все хорошенько, – наказала мать Сомин, прежде чем снова исчезнуть в глубинах коридора.

Чуну оглядел заполненную безделушками комнату. На упаковку всего этого добра потребуется немало времени. Уж не влип ли он по полной программе? Возможно, зря он согласился на эту авантюру. Он мог бы просто уйти, но Чуну всегда держал слово. И если он сказал, что

¹³ Омони (кор. ###) – мать.

поможет, то должен помочь. Даже несмотря на то, что августовская жара внутри почему-то казалась еще хуже, чем снаружи.

Когда Чханван снял с полки рамки с фотографиями, Чуну начал заворачивать их в старые газеты. Он не был уверен, хорошо ли справляется, но решил: чем больше набивки, тем лучше.

– Тебе не кажется, что ты слишком много газет кладешь, хён?¹⁴ – спросил Чханван.

– Думаешь, многовато? – Чуну скрестил руки на груди и оглядел коробку, семьдесят процентов которой, судя по всему, занимали газеты и только тридцать – сами вещи.

– Да, может, придумывать стратегии для видеоигр ты и умеешь, но вот с упаковкой вещей мы явно не справились. – Чханван нахмурился, наморщив большой нос.

– Ну, навык упаковки тебе в жизни пригодится, только если ты работаешь перевозчиком, – пожал плечами Чуну. – Вряд ли твою пассиву будет волновать, во сколько газет ты фото-рамки завернул. Возьми это себе на заметку, Чханван-а.

Как только он это сказал, из кухни вышла Сомин.

– Будешь слушать его советы о делах любовных – по роже получишь.

Чуну прижал руку к сердцу:

– Ли Сомин, как ты жестока! Мне прилетает по лицу только в пятнадцати процентах случаев. Клянусь.

Чханван рассмеялся и словил на себе сердитый взгляд Сомин.

Та посмотрела на их наполовину заполненную коробку.

– От вас двоих никакого толку.

– Ты пришла нас проведать? – спросил Чуну.

– Нет, мне скотч нужен. – Словно в доказательство своим словам, она взяла рулон клейкой ленты. – Но я рада, что вышла. Если так и дальше пойдет, вам на одну книжную полку десять коробок понадобится. Может, лучше посуду помоете?

– Мне не очень нравится мыть посуду, у меня от воды руки морщатся... – Под очередным суровым взглядом Сомин Чханван умолк. – Но опять же, для этого и существуют перчатки для мытья посуды. – Он метнулся на кухню, как испуганный кролик.

Сомин начала разворачивать рамки и раскладывать их на столе. Рядом с ней присел Чуну.

– И что это ты делаешь? – устала она на него.

– С мытьем посуды и один человек справится. Я подумал, ты искала предлог, чтобы побыть со мной наедине. – Чуну пошевелил бровями.

– Ладно, потерплю тебя, лишь бы ты не забивал Чханвану мозг нелепыми советами. Почему ты так пытаешься превратить его в своего клона?

– Так разве это плохо? – Чуну поднял руку, прежде чем она успела ответить. – Молчи, я и так знаю ответ. Для тебя такая судьба хуже смерти.

Сомин аккуратно обернула бумагой хрупкие рамки перед тем, как сложить их в коробку.

– Ну, я собиралась выразиться помягче, но да. Пусть Чханван остается самим собой. Он – не ты.

Чуну чуть не рассмеялся, но он знал, что Сомин не поймет иронии своих слов. А рассказывать ей о своем прошлом он не собирался. Пусть лучше оно остается в прошлом: там ему и место.

Вместо этого токкэби пожал плечами:

– Я просто хочу придать ему немного уверенности в себе. Он умный парень и, если захочет, может стать кем угодно.

¹⁴ Хён (кор. #) – старший брат, также может использоваться при обращении к старшему товарищу и другу. Может употребляться с добавлением уважительного суффикса – ним (#).

– Ты ничего не знаешь о Чханване, – резко ответила Сомин. Таким голосом она всегда защищала своих друзей. Почему-то этот голос всегда беспокоил Чуну, возможно, потому, что чаще всего Сомин защищала своих друзей от него.

– Мы с Чханваном друзья! – Это было похоже на оправдание больше, чем Чуну предполагал.

Сомин фыркнула:

– Ты слишком эгоистичен, чтобы у тебя друзья были.

Это прозвучало жестоко, и Чуну уже собирался резко возразить, когда вернулась мать Сомин с новыми коробками в руках.

– Нашла это в дальней комнате, подумала, что они бы намгодились.

Сомин вскочила помочь матери с кучей коробок. Чуну раздумывал, не показать ли Сомин язык, как вдруг та метнула в него взгляд, и в ее карих радужках он прочитал невысказанное предупреждение. Если бы Чуну не знал Сомин, то подумал бы, что она квисин¹⁵ или другой злой дух, обрушивший на него какое-то проклятие.

Мать Сомин была не очень высокая, и, судя по всему, ростом Сомин пошла в нее. Ее черные волосы были собраны в пучок, но несколько прядей падали на лоб, создавая иллюзию молодости. Она была энергичной, всегда держала наготове фирменную улыбку, от которой вокруг глаз у нее появлялись морщинки. Но возраста они ей не прибавляли – только делали еще доброжелательнее и милее. Мама Сомин была куда более рассеянной, чем ее дочь, контролирующая все и вся. Однако Сомин тоже иногда нарушала правила – например, она не соблюдала дресс-код в школе и ввязывалась в драки. Кому-то могло показаться, что эти две черты несовместимы, однако Чуну знал: на самом деле Сомин жила по правилам – просто по своим собственным. Она по-настоящему очаровала его.

– Чуну, словами не передать, как мне приятно, что ты пришел нам помочь, – с доброй улыбкой поблагодарила его госпожа Мун.

– Конечно. Я всегда рад прийти на помощь *другу*. – Он произнес последнее слово с нажимом и подмигнул Сомин.

Она поджала губы, и Чуну представил, как она пытается сдерживать грубости, за которые мать отвесила бы ей оплеуху.

Чуну чуть не подмигнул ей еще раз – исключительно чтобы позлить, – но в этот момент из ванной вышла Миён.

Она тащила нечто похожее на доверху полную и очень тяжелую коробку. От одного только вида кумихо Чуну растерял все свои бойкие словечки. Последнее время он не знал, что сказать в присутствии Миён. Каждый раз, когда он видел ее, в животе у него все переворачивалось. В прошлом, когда он чувствовал себя неловко рядом с кем-то, он просто уходил. Но теперь от мысли сбежать ему почему-то становилось только хуже. Впервые за свою бессмертную жизнь он чувствовал себя перед кем-то в долгу. И Чуну терпеть этого не мог.

Несмотря на растрепанные волосы, усталые глаза и легкий блеск пота на лбу, Миён была великолепна. Впрочем, меньшего от бывшей кумихо Чуну и не ожидал. Кумихо всегда были красивы: мужчины мгновенно влюблялись в них, а затем – лишались печени. Когда-то Чуну думал, что они могли бы быть напарниками. Двумя бессмертными, вынужденными нести бремя очарования, пока с людских глаз не спадет пелена и их с Миён не назовут чудовищами.

Но то была старая Миён, и даже в прежние времена хищный образ жизни бессмертного существа, описанный в сказках про девятихвостых лис, ей не особо давался.

При виде Чуну Миён резко остановилась. Она прищурилась, как будто решала, как ей лучше себя с ним вести. Было ясно, что она не рада его видеть.

– Привет, Миён-а, – поздоровался Чуну. – Тебе помочь?

¹⁵ Квисин (кор. ##) – призрак.

Она наклонила голову, чем напомнила лису, затем поставила упакованную коробку и повернулась к матери Сомин.

– Мне нужна еще одна коробка.

– Вот, держи. – Госпожа Мун протянула ей одну из своей стопки.

Не сказав больше ни слова, Миён исчезла в ванной.

Чуну смотрел ей вслед, задаваясь вопросом, смогут ли они когда-нибудь снова нормально поговорить. Не то чтобы он скучал по беседам с ней. Миён всегда была в лучшем случае колючей компаньонкой. Но он не мог отрицать, что рядом с ней его одинокая жизнь играла новыми красками. Те три месяца, что они прожили вместе, вышли весьма насыщенными. И, если быть честным, он не мог не переживать за Миён.

Но, конечно, он совершил ошибку, которая стоила им их сомнительного союза. Возможно, Чуну мог бы даже назвать эти отношения дружбой.

И все же одна его ошибка стоила чьей-то жизни. Жизни матери Миён. Давным-давно Чуну поклялся себе, что больше не будет участвовать в играх, на кону которых стоит смерть. Так что, хочет Миён того или нет, Чуну чувствовал, что он должен как-то искупить перед ней вину. Он останется рядом, пока не вернет долг. Единственная проблема – он не был уверен, когда это произойдет. Даже бессмертный токкэби не мог знать, когда с его плеч спадет груз вины. Все это было жутко неприятно, но оставить это так Чуну не мог.

– Итак, Чуну, как идут занятия? – вернула его к настоящему госпожа Мун.

Он вспомнил легенду, которую они рассказали матери Сомин.

– Ты в университете Хонъик учишься, да?

– Ах да, – любезно улыбнулся Чуну. – Все здорово. Специальность интересная.

Он всегда выглядел так, словно еще недавно был подростком. Кто-то – например, дочь госпожи Мун – мог утверждать, будто он все еще незрелый ребенок предпубертатного периода, но ему уже давно перевалило за сотню. Тем не менее приходилось мириться с тем, что госпожа Мун причислила его к одноклассникам дочери, хотя, по их легенде, Чуну уже учился на первом курсе. Он даже не помнил, говорили ли матери Сомин название университета, когда врал, что он приходится двоюродным братом Миён.

– Миён переедет обратно к вам, значит? – спросила госпожа Мун, и сначала Чуну даже не понял, о чем она говорит. Он-то предполагал, что Миён найдет себе жилье, но тут он вспомнил, что до совершеннолетия ей еще целый год. Чуну мог бы, конечно, возразить, что эту возрастную планку придумали наобум. Он и половину времени себя «взрослым» не чувствовал.

Сомин оторвалась от коробки и повернулась к ним. Глаза ее были широко раскрыты, словно предупреждая Чуну говорить осторожнее. Поэтому, конечно, он сразу захотел сделать прямо противоположное.

– Омма, не думаю, что Миён уже решила, где будет жить, – сказала Сомин одновременно с тем, как Чуну выпалил:

– Конечно. – Он даже не успел задуматься над своим ответом.

Мать Сомин облегченно вздохнула:

– Ох, хорошо. А я-то беспокоилась, где Миён будет жить.

Услышав свое имя, Миён высунула голову из ванной:

– Вы меня звали?

– Я как раз говорила твоему брату, что рада слышать, что тебе есть где остановиться, – сказала мать Сомин.

– Что? – Миён подозрительно взглянула на Чуну.

– Я сказал матери Сомин, что ты переезжаешь обратно ко мне, так ведь, сестренка? – Чуну нацепил яркую улыбку.

Миён так резко помрачнела, что Чуну на мгновение даже решил, будто это из-за его голоса.

– Я не...

– Прямо камень с души, – рассмеялась мама Сомин. – Я так беспокоилась! Сомин сказала, что понятия не имеет, где будет жить Миён. А у нас дома и так уже тесно из-за Джихуна, и я не представляла, как запихнуть туда еще одного подростка. – Неловкий лепет госпожи Мун выглядел почти мило. Она и вправду не умела фильтровать свои мысли.

– Спасибо за беспокойство. И я ценю твое предложение... *братец*. – Миён выплюнула последнее слово, словно мерзкое проклятие. – Но я не хочу быть обузой.

– О, ты ничуть меня не обрменишь. Я с удовольствием дам тебе кров. – Чуну добавил одну из своих очаровательных улыбок.

На минуту повисла тишина. Даже Сомин, казалось, застыла. Но госпожа Мун, либо совершенно ни о чем не подозревая, либо намеренно притворяясь невеждой, раз уж появился шанс разрешить мучимую ее проблему, заговорила:

– Я думаю, тебе будет лучше остаться с Чуну. Разве рядом с семьей не лучше?

Взгляд Миён говорил сам за себя. «Ты еще пожалеешь об этом».

Не сдержавшись, Чуну еще разок ткнул палкой в осиное гнездо:

– Это верно. Доверься своему оппе ¹⁶.

– Конечно, – выплюнула Миён.

¹⁶ Оппа (*кор. ##*) – обращение, которое используют лица женского пола по отношению к старшим братьям либо (в неформальной обстановке) по отношению к молодым людям старше их.

5

После этой безмолвной ссоры между Миён и Чуну повисло ошутимое напряжение. Его чувствовали все. Ну, кроме матери Сомин и Чханвана, который был настолько беззаботен, что иногда Сомин задавалась вопросом, как он вообще живет.

Но Чханвану пришлось уехать на встречу с репетитором. Без его бессмысленной болтовни Сомин в любом уголке квартиры буквально физически ощущала накал страстей между Миён и Чуну. Спустя два часа ей начало казаться, что она задыхается. Пока она обдумывала план побега, раздался стук в дверь.

– Омма, – позвала она. – Это, наверное, обед доставили.

Сомин открыла дверь и растерянно заморгала, уставившись на мужчин в одинаковых футболках. Они принесли многоразовые коробки для переезда, которые она видела в более престижных районах, и объемные чехлы для мебели.

– Это дом господина Ана? – осведомился первый мужчина.

– Да, но я ничего не понимаю. Мы не нанимали грузчиков.

– Я нанимал, – сказал Чуну, вставая с горы уложенных им вещей. Затем со стоном наклонился, чтобы размять затекшие ноги. – Заходите. Тут еще в гостиной много работы. – Он повернулся к Сомин. – Я решил, раз Чханван ушел, будет проще позвать на помощь профессионалов.

– Это ты их нанял? – спросила Сомин, когда мужчины прошли мимо нее в квартиру. – Подождите, нет, не трогайте это! – Она выдернула рамку с фотографией у одного из грузчиков. – Нам не нужны грузчики.

– Дело не в том, нужны они или не нужны. Но почему бы не воспользоваться помощью? – заявил Чуну.

– Это не просто *вещи*. Они имеют особенную ценность. – Сомин потрясла перед ним рамкой.

– Я нанял грузчиков, а не цирковых жонглеров. Они обо всем позаботятся, – посмеиваясь, сказал Чуну.

Гнев Сомин не утихал.

– Как это на тебя похоже! – Она ткнула пальцем в грудь Чуну. – Приходишь, закатываешь сцену, а затем разбрасываешься деньгами ради желаемого. Зачем ты вообще сюда пришел, если не хотел работать?

– Ли Сомин! – Голос ее матери эхом разнесся по квартире, отчего Сомин застыла, не успев снова ткнуть пальцем в грудь Чуну. Миён и Джихун стояли в коридоре позади госпожи Мун, с любопытством наблюдая за происходящим. – Я не позволю, чтобы моя дочь так разговаривала с гостями.

– Гостями? – недоверчиво переспросила Сомин, все же опустив руку.

– Ну, мы не ожидали помощи, но все равно от нее не откажемся. Давайте я покажу кому-нибудь из вас, что нужно упаковать в дальней комнате? – обратилась мать Сомин к грузчикам. – Джихун-а, покажи другому господину, что нужно сделать на кухне.

Сомин ждала, что Джихун поддержит ее, скажет, что им не нужна помощь, но он только пожал плечами и пошел на кухню.

Другой мужчина последовал за матерью Сомин. Бросив последний взгляд на дочь, явно призывая ее вести себя прилично, госпожа Мун исчезла в коридоре.

– Миён-а, – повернулась к подруге Сомин, тщетно ища в той союзника.

Но Миён только пожал плечами.

Со стоном отвращения Сомин обернулась, но заметила, что Чуну наблюдает за ней, скрестив руки на груди. Она решила не говорить ничего, за что могла бы получить нагоняй от матери, и, схватив мешок с мусором, выскочила через входную дверь.

Воздух снаружи был густым и влажным, почти невыносимым, но Сомин нужно было уйти, чтобы сохранить рассудок.

Она неторопливо разделяла отходы по разным контейнерам, время от времени останавливаясь, чтобы вытереть пот со лба. На летнем небе не было ни облачка, и ничто не заслоняло яркие лучи солнца. Как будто погода знала, что сегодня будет тяжелый день, и решила добавить чуть-чуть страданий сверху.

Сомин перевернула пакет с остатками мусора вверх дном. Из него вывалилась банка, ударилась о край контейнера и, отскочив, покатила вниз по склону. Разгоряченная, потная и все еще раздраженная после ссоры с Чуну, Сомин хотела было просто забить, но воспитание не позволяло ей так поступить, и она побежала. Банка остановилась в нескольких сантиметрах от пары потрепанных мокасин.

– Ой, извините, – сказала Сомин мужчине. У него были волосы с проседью, почти полностью прикрытые бейсболкой. Он стоял к ней спиной, но было в нем что-то до жути знакомое.

Почему этот мужчина ее заинтриговал? Он ведь просто стоял. Возможно, потому, что он стоял так неподвижно, что его можно было принять за каменную статую. Любой другой повернулся бы, наклонился бы поднять банку или по крайней мере поприветствовал бы Сомин, но он просто стоял. Может быть, он ее не услышал. Когда Сомин приблизилась к нему, то учуяла едва различимый запах лакрицы.

Она подняла банку, а когда встала, мужчина исчез. Сомин могла бы поклясться, что он был там всего секунду назад. Она оглядела дорогу, но нигде его не увидела. Она даже не слышала его шагов. Она могла бы убедить себя, что ей показалось и на самом деле она вообще никого не видела, но слабый запах лакрицы все еще витал в воздухе.

– Странно, – пробормотала Сомин себе под нос, подходя к мусорным бакам.

Когда она бросила банку в мусорное ведро, по ее спине пробежал холодок. Такой явный, что волосы у нее на затылке встали дыбом. Увядшие деревья у обочины стояли неподвижно. Ветра не было, но Сомин снова почувствовала холод, покалывающий кожу.

А затем она увидела его – не пожилого мужчину, а юношу. Он как-то выделялся. Как будто ему здесь не место. Не в этом районе, а вообще в этом мире.

Может быть, так казалось потому, что он с головы до пят был одет в черное, а его голову покрывала черная шляпа с полями. Поверх костюма был накинут такого же цвета плащ; ему, наверное, было очень жарко. Но не это показалось Сомин самым странным. Она была почти уверена, что человек смотрит прямо на нее. Хотя он стоял в нескольких метрах от нее, Сомин могла разглядеть его глаза. Они были такими же черными, как и одежда, и он не мигая наблюдал за ней.

Юноша был высок, и, хотя половину его лица скрывала шляпа, облик его поражал. Бледная кожа, полные губы, темные глаза.

– Могу я как-то помочь? – поинтересовалась Сомин.

Парень наконец моргнул:

– Ты можешь меня видеть?

Сомин нахмурился:

– Да, ты стоишь прямо передо мной и пялишься, как какой-то пёнтхэ¹⁷.

– Как странно, – буркнул он, казалось, самому себе. Его даже не волновало, что Сомин назвала его извращенцем.

¹⁷ Пёнтхэ (кор. ##) – извращенец.

Роясь в кармане в поисках телефона на случай, если понадобится звать на помощь, она захлопнула крышку мусорного бака.

– Будешь так крышками хлопать – баки сломаешь! – крикнула пожилая женщина, сидевшая напротив.

Сомин развернулась и поклонилась в знак извинения.

– Простите.

Хальмони Хван была знаменитостью в этом районе – ей было уже под сотню, а она до сих пор заведовала магазинчиком лечебного вина через дорогу от старой квартиры Джихуна. Хальмони сидела на деревянной веранде перед магазином, прикрываясь зонтиком от солнца, а из открытой двери дул холодный воздух кондиционера. Дождь ли, солнце ли, жара или холод – будьте уверены, хальмони Хван сидит на своем насесте и наблюдает за окрестностями.

Сомин повернулась к парню, но тот уже исчез. Так же внезапно, как и старик. Станный. Неужели у нее галлюцинации из-за жары?

– Вы видели того парня? – спросила Сомин у хальмони Хван, подходя к ее магазину.

– Которого из? Того милашку Чуну, который все время здесь околачивается? – Хальмони Хван поиграла бровями. – В последнее время он частенько радуется своим видом мои старые глаза.

Сомин не хотела говорить о Чуну, так что она беспокойно спросила:

– Стоит ли вам сидеть на улице в такую жару?

Хальмони Хван отмахнулась от Сомин гигантским веером в руке.

– Что внутри, что снаружи. Где б я ни сидела, везде жара. А так я хоть вижу, что по соседству происходит.

Сомин рассмеялась и кивнула.

– Переезжаете? – Хальмони Хван с грустью посмотрела на дом Джихуна.

– Да, – кивнула Сомин. – Упаковываем сегодня вещи.

– Госпожа Нам жила в этом здании более сорока лет. Без нее здесь будет пусто, хотя я частенько говорила ей, что кимчиччигэ¹⁸ у нее уж слишком острый.

Сомин засмеялась. Хальмони Хван всегда отличалась своей прямолинейностью и честностью.

– Грустно, что мы с вами больше не поболтаем.

– Ну, ты можешь иногда меня навещать. Одно могу сказать наверняка: отсюда я никуда не денусь.

– Почему же? – полюбопытствовала Сомин. Она знала, что у хальмони Хван есть дочь, которая некоторое время назад переехала на юг, в Пусан, но хальмони Хван осталась тут.

– В молодости нам пришлось покинуть наш дом. Не потому, что мы страну увидеть хотели, а чтобы выжить.

Сомин знала, что хальмони Хван была достаточно старой и помнила объединенную Корею и ее разделение, но поняла, что никогда не слышала, чтобы хальмони говорила об этом.

– Мы много лет не могли вернуться обратно, а когда получилось, все казалось мне другим. Наверное, когда тебя выгоняют из дома, по возвращении ты будешь держаться за него из последних сил. Мне жаль, что Джихуну не разрешили остаться.

Хальмони Хван так посмотрела на Сомин, что та смутилась. Старая женщина как будто заглянула к ней в душу. Как будто увидела тайное желание, о котором Сомин никогда никому не рассказывала, – что иногда ей хотелось просто уехать. Уехать далеко, быть где угодно, только не здесь. Но она знала, что это несбыточная мечта. Куда бы она пошла? И где бы взяла на

¹⁸ Кимчхи (кор. ##) – остро приправленные квашенные овощи, обычно пекинская капуста. Считается в Корее основным блюдом. Ччигэ (кор. ##) – корейское рагу.

это деньги? Надо извлечь урок из слов хальмони Хван и ценить то, что есть: хорошая семья, хорошие друзья, место, которое можно назвать домом.

Из квартиры вышла мать Сомин. Поднеся руку ко лбу, она осмотрела местность и замерла, когда увидела внизу Сомин.

– Надо твоей матери найти себе кого-нибудь, – сказала хальмони Хван. – Такая красивая женщина, не пристало ей быть одной.

– Она не одна, – поправила Сомин. – У нее есть я.

– Конечно, у нее есть ты. – Хальмони похлопала Сомин по руке.

– Сомин-а! – воскликнула ее мать, перебежав через улицу. – Здравствуйте, хальмони Хван. – Она склонилась в поклоне.

– Мун Сухюн, ты выглядишь как сестрица Сомин, но никак не мать!

Мать Сомин покраснела. «Так и есть», – подумала Сомин. Ее мать всегда лучилась молодостью. Несмотря на то через что ей пришлось пройти – она забеременела сразу после окончания старшей школы, а когда Сомин была еще совсем малышкой, потеряла мужа, – она всегда была оптимисткой. Сомин удивляло, как она не унаследовала ни капли этой позитивности.

– Сомин-а, я пойду куплю чего-нибудь попить для грузчиков. Они так усердно работают, а внутри так жарко, что хоть яичницу на полу жарь. Можешь последить за всем, пока меня не будет?

– Конечно, – согласилась Сомин. Сколько она себя помнила, мать всегда доверяла ей все дела, и она уже давно к этому привыкла. Мама часто говорила, что Сомин серьезно ко всему относится, всегда стремится к идеалу.

«Как мне повезло, что у меня такая дочь, – повторяла она. – Я понятия не имела, что делаю, но с тобой все стало в тысячу раз проще».

Раньше Сомин нравилось, когда мама так говорила. Она чувствовала себя нужной. Но, говоря по правде, Сомин воспитала свою мать не меньше, чем та воспитала Сомин.

На обратном пути в квартиру Сомин резко остановилась, заметив Чуну на перилах лестницы снаружи – тот обмахивался веером. В голову Сомин пришла мысль столкнуть его вниз. Скорее всего, падение с двух этажей его бы не убило – он все-таки токкэби. Зато это доставило бы Сомин огромное удовольствие.

Чуну поднял голову – возможно, на звук ее шагов, а может, его сверхъестественная чуйка токкэби заставила его посмотреть наверх. Он дерзко усмехнулся.

Сомин решила не обращать внимания и попыталась его обойти, но Чуну преградил ей путь.

– К чему такая спешка? – любопытно спросил он. – Разве не ты хотела сбежать подальше из душной квартиры?

– Я сбежала, чтобы не видеть тебя.

Чуну рассмеялся. Сомин надеялась на противоположную реакцию.

– Ли Сомин, как больно ранят твои слова!

– Ага, конечно.

– Я серьезно. Ни разу в жизни я не был так... заинтригован человеком. Неужели ты не хочешь дать мне шанс?

Его вкрадчивые речи застали Сомин врасплох. Красота Чуну была одновременно мягкой и грубой. Его лицу крайне шла ухмылка. И Чуну не мог этим не пользоваться, так что насмешливая улыбка практически никогда не сходила с его лица.

Вот почему Сомин ненавидела один только вид его самодовольной физиономии с самой первой их встречи. Чего это он такой самоуверенный? Не то чтобы это была его заслуга. Чуну просто родился с красивой внешностью – нечем хвастаться. И что еще хуже, как только он начинал говорить, он мигом притягивал все взоры. Как будто важнее его речей ничего на свете

не было. Вероятно, он так и считал, поскольку в девяти случаях из десяти говорил о себе. Напыщенный осел.

- Нет, даже будь ты последним парнем на земле.
- Хорошо, что я не просто парень. – Улыбка Чуну стала шире.

Сомин изобразила приступ тошноты.

- Меня сейчас вырвет.
- Держу пари, если постараюсь, я мог бы изменить твоё мнение.

Сомин саркастично усмехнулась.

– Посмотрела бы я на это, – выпалила она прежде, чем успела подумать. И вспомнить, что токкэби любил воспринимать все буквально, особенно если представлялась возможность позлить ее.

Ухмылка Чуну переросла в полноценную улыбку:

- Значит, хочешь взглянуть?

Казалось, что-то овладело Сомин, какое-то непреодолимое чувство соперничества, с которым она не могла бороться. Она вздернула подбородок:

- Конечно. Постарайся уж.

Чуну сделал шаг вперед, и каждый мускул Сомин напрягся, но она не отступила. Она знала таких парней: они вечно блефуют. В этой игре она не проиграет.

- Я бы сказал, что мне нравится в тебе все. Мне нравятся твои волосы.

Чуну взял прядь ее волос и пропустил сквозь пальцы. Сомин держала голову прямо, и его ладони размытым пятном мелькали на периферии ее зрения. Она отказывалась отводить от него взгляд. Это была игра воли, и ее воля была сделана из стали.

- Мне нравятся твои руки.

Чуну приподнял руку Сомин, рассмотрел ее, и уголки его губ приподнялись в улыбке. Сомин искала в ней насмешку, но Чуну выглядел совершенно очарованным, переплетая свои пальцы с ее. Он был хорош. Но Сомин не провести красивыми слова и этими его улыбочками.

- Я люблю твои губы.

Взгляд Чуну скользнул вверх, остановившись на новом объекте его фальшивой привязанности. Он крепче сжал ладонь Сомин, придвинулся ближе. Она видела только его глаза. Чуну наклонил голову вниз. Сердце Сомин пустилось в галоп. Так быстро, что грудь у нее почти загудела. Удивительно, и как еще ее тело не начало вибрировать? Или оно вибрировало, а она просто этого не чувствовала? Сомин по-прежнему не двигалась. Она ждала. Чуну приблизился еще ближе, и его губы оказались всего в сантиметре от ее.

– Я люблю в тебе всё, – проговорил он, и Сомин почувствовала его дыхание на своих губах. – Вот бы оно было моим.

Сердце у нее бешено колотилось, но она завершила себя, что это из-за жары.

- Ты так эгоистично используешь слово «любовь», – промолвила Сомин.

Может, его шокировали ее слова, а может, он устал от собственной игры, но Чуну наконец отступил. Она победила, хотя и не чувствовала столь вожделенного триумфа: ее сердце по-прежнему не желало успокаиваться.

- Эгоистично? – Чуну отпустил ее руку.

– Ты под этим словом имеешь в виду, что хочешь владеть человеком. А это довольно эгоистично. – Сомин поблагодарила богов за то, что ее голос прозвучал спокойно и ровно. – Ты любишь то, что есть у девушки, а не ее саму.

На мгновение повисла тишина, а затем Чуну откинул голову назад и громогласно расхохотался.

– О, Ли Сомин, с тобой определенно следует считаться. – Чуну вдруг заговорил старомодно. И что еще хуже, из его уст это прозвучало неплохо. – Стоит ли удивляться, что я с нетерпением жду наших маленьких спаррингов?

– Это не спарринг. Я искренне ненавижу тебя, – отрезала Сомин.

– От ненависти до любви... – Чуну пошевелил бровями.

Что бы Сомин ни собиралась ответить, ее прервал грубый голос, раздавшийся позади.

– Здесь живет Нам Сунбун?

– Больше нет, – обернулась Сомин.

– Где мой бесполезный сын? – спросил мужчина, и Сомин удивленно приподняла бровь.

Она смутно помнила отца Джихуна. Но могла сказать, что годы его не пощадили. Когда-то он был высоким – должно быть, Джихун ростом пошел в отца, – но сгорбился, как будто у него не осталось сил держаться прямо. У него были редующие седые волосы, рябое лицо и морщины, расходящиеся в разные стороны от прищуренных глаз. Меж его пальцев висела все еще зажженная сигарета, как будто он только что вытащил ее изо рта.

Вот уж с кем Джихуну точно сегодня не стоило видеться.

– Не уверен, о ком вы говорите, господин, – сказал Чуну приятным голосом, но в его глазах стоял лед. Еще никогда Сомин не видела в токкэби столько холодности.

– А кем еще может быть мой сын, по-твоему? Только неблагодарным бездельником, которому за пятнадцать лет ни разу не пришлось в голову родного отца навестить.

Все. Больше Сомин не могла держать язык за зубами.

– Возможно, он бы и навестил, если бы знал, где вы живете.

– Мы знакомы? – протянул господин Ан, пристально глядя на нее.

– Я подруга Джихуна, и, в отличие от вас, я последние пятнадцать лет *присутствовала* в его жизни.

– Ах ты дерзкая соплячка, – процедил господин Ан, стиснув пожелтевшие зубы.

Сомин двинулась вперед, но Чуну остановил ее. Он не пытался ее удержать, но его жест заставил ее замяться, одуматься. Впервые в жизни Сомин была благодарна Чуну за то, что он рядом, иначе она не знала, что бы сказала – или сделала – отцу Джихуна.

– Ну, учитывая, что мы встречаемся в первый раз, полагаю, нужно сперва представиться. – Чуну протянул руку. – Я Чуну, а вы?..

Господин Ан проигнорировал его и, повернувшись, крикнул:

– Ан Джихун! Выходи поздороваться с отцом, неблагодарный мальчишка!

Дверь открылась, и наружу вышел Джихун. На лице у него застыло пустое и холодное выражение. Вот только Сомин достаточно хорошо его знала, чтобы заметить, как у него дергается щека. Миён тоже вышла, и взгляд у нее был жестким, как будто она готовилась к драке.

– Что ты здесь делаешь? – тихо и отрывисто спросил Джихун.

– Несколько месяцев назад ко мне заявился частный сыщик, начал что-то вынюхивать. Сказал, что его нанял какой-то важный полицейский из Сеула, чтобы найти меня. Сказал, что это связано с моим сыном. Поэтому я подумал, что самое время проверить, как у тебя дела. – Отец Джихуна затянулся сигаретой и выпустил ленивые клубы дыма.

Важный полицейский из Сеула. Это мог быть только один человек. Хэ Тхэу. Миён сжала кулаки. Должно быть, она подумала о том же, о чем и Сомин. Ее отец – человек, который сблизился с Джихуном, чтобы найти Миён, – даже из-под могильной плиты мешал им спокойно жить. Прошлой весной он пытался убить Миён, а теперь по его вине отец Джихуна снова в городе.

От Сомин также не ускользнуло, что частный детектив нашел отца Джихуна несколько месяцев назад, но тот пришел только сейчас. Видимо, что-то ему понадобилось.

– Ребята, можно нам минутку побыть одним? – спросил Джихун.

Сомин хотела сказать «нет», и, судя по молчанию Миён, та была с ней солидарна.

Джихун, должно быть, тоже это почувствовал, потому что обернулся к отцу:

– Можем спуститься и поговорить наедине?

Вместо ответа мужчина жестом пропустил Джихуна вперед.

Сомин двинулась было за ними вниз по лестнице, но Чуну удержал ее:

– Он хочет разобраться с этим сам.

Сомин хотела возразить. Хотела закричать, что это несправедливо. Что Джихун этого не заслужил. Но она знала, что правильные и справедливые вещи редко случаются в этом мире. Разрушенная жизнь ее друзей служила тому доказательством. Она повернулась к Миён.

– Нельзя же просто тут стоять! Этот ублюдок издевался над Джихуном все его детство!

Взгляд Миён был прикован к верхней площадке лестницы.

– Я бы хотела выкачать из него всю энергию и оставить его тело гнить.

Даже Сомин поразила злоба, прозвучавшая в голосе Миён.

– Ты все еще можешь это сделать?

– Есть только один способ выяснить. – Затем она вздохнула. – Но, когда вернулся мой отец, мне хотелось поговорить с ним наедине. Вероятно, Джихуну нужно то же самое. – Миён вошла в квартиру.

И, оказавшись без поддержки, Сомин последовала за ней следом.

6

Чуну велел Сомин не лезть в разговор Джихуна с отцом, но это не значило, что Джихуна не надо подстраховать. Чуну знал таких людей, как господин Ан: сущие пиявки. Исчезают, когда в них нуждаются больше всего, и возвращаются, чтобы высосать все, что удастся. У такого человека могло быть только две причины объявиться: он от чего-то убегал или ему было что-то нужно. В любом случае, надо с ним разобраться быстро и навсегда.

Чуну прислонился к передней стене здания, вне поля зрения говорящих, но достаточно близко, чтобы с его слухом токкэби он мог все разобрать.

– Здесь для тебя ничего нет, – говорил Джихун.

«Не показывай слабости, – подумал Чуну. – Заставь его думать, что тебе нет до него дела. Не позволяй ему уязвить твою гордость».

– Это не тебе решать. – Господин Ан затянулся сигаретой. Скверная привычка, по мнению Чуну.

– Ты можешь зайти, но не найдешь внутри ничего, кроме грязи. Хотя для тебя в самый раз, – сказал Джихун.

Послышался шлепок. Кожа соприкоснулась с кожей. Такой звук обычно раздается от удара раскрытой ладонью. Даже не удара – пощечины. Пощечины, которой хотят пристыдить так же сильно, как и причинить боль.

Перед глазами у Чуну стала красная пелена. Он сжал кулаки, кожа горела от гнева. Он знал, что это не просто ярость – в нем разгорался огонь токкэби. Но нет: он не пользовался им веками и не собирается сейчас. Даже когда его захлестнули воспоминания о собственном несчастливом детстве. Отец Чуну не гнушался ни бить, ни унижать сына. Но он мертв уже много веков, а отец Джихуна был хоть и ублюдком, но человеком. Не стоит вмешиваться и тем более использовать сверхъестественные силы.

– Больше ты мне ничего не сможешь сделать, – жестко произнес Джихун. В его голосе слышался вызов.

«Хорошо. Не позволяй ему видеть твою боль», – Чуну одобритительно кивнул.

– Неблагодарная дрянь! Я четыре года одевал и кормил тебя и вот чем ты мне отплатил?

– Ты обо мне едва заботился, да и то делал лишь потому, что боялся признать: отец и муж из тебя никудышный! Когда ты загремел в тюрьму, мы только с облегчением вздохнули.

– Что-то я не вижу здесь твоей шлюхи-матери! – закричал господин Ан. – Чем она лучше меня?

– Зачем ты вернулся? – взорвался Джихун. – Тебе деньги нужны?

Послышался звон рассыпавшихся монет. Как будто он вывернул карманы.

– Вот! Больше у меня ничего нет, – заявил Джихун.

– А как же деньги, которые тебе бабка оставила? У нее их полно должно было быть. Вечно твердила: откладывай сыну на учебу! Где эти деньги?

– Нет их больше – я ими за аренду расплачивался, чтобы не пришлось жить на улице. И даже если бы что-то осталось, я бы тебе ни воны не дал.

– Ах так? И что же мне помешает их забрать, щенок? – хрипло расхохотался господин Ан.

– Хочешь узнать? – спросил Джихун.

Теперь Чуну забеспокоился. Ан старший был задиристым подонком, и, если бросаешь ему вызов, нужно быть готовым к атаке. Такие люди хуже бешеных животных, боящихся потерять почву под ногами. Кажется, подумал Чуну, пришло время вмешаться.

– Не думай, что видишь меня в последний раз, – прошипел господин Ан.

Ах, так он не из тех подонков. Он из трусливых.

Чуну слышал приближающиеся шаги и отступил в тень переулка. Дождавшись, когда господин Ан будет проходить мимо, он протянул руку и втянул мужчину за собой в темноту.

– Что за...

– Я предупреждаю тебя первый и последний раз. – Чуну отбросил Ана к стене. Тот рухнул на четвереньки. – Держись подальше от Джихуна и никогда не возвращайся.

Чуну достал из бумажника несколько крупных купюр, и господин Ан удивленно на них вылутился.

– Больше ты ни воны от нас не увидишь, так что будь благодарен и проваливай. Поверь мне, я знаю нужных людей. Стоит мне их только попросить – и твоего исчезновения никто даже не заметит. Усек?

Господин Ан бешено закивал, не отрывая взгляда от денег.

Чуну бросил ему банкноты, и те разлетелись в разные стороны.

Отец Джихуна спешно заползал на четвереньках, стирая об асфальт костяшки пальцев в попытке схватить деньги. Затем поднялся на ноги.

– Я заслужил большего за все заботы об этом мальчишке.

– Сомневаюсь, что ты когда-либо утруждал себя заботами о сыне. И не верю, что собираешься в будущем. Так что бери деньги и уходи.

Взгляд господина Ана метнулся по сторонам, как будто он задавался вопросом, есть ли у него шанс. Он бросился к бумажнику в руках Чуну, но дотянуться не успел – токкэби схватил его за запястье. Старик взвизгнул, вырываясь, на коже у него появился красный ожог.

– Что за хрень?

– Убирайся отсюда. Сейчас же. Пока я не передумал, – процедил Чуну сквозь сжатые зубы.

Господину Ану не было нужды повторять дважды. Развернувшись, он выбежал из переулка.

Чуну уставился на свои ладони. Они все еще горели от гнева. Огонь токкэби разгорался из-за сильных эмоций. И хотя у Чуну отец не был жалким алкоголиком-хулиганом, как у Джихуна, своя жизнь его заботила куда больше, чем воспитание сына. Эгоистичность господина Ана вызвала слишком много воспоминаний, которые Чуну долго старался забыть.

– Ты всегда умел произвести впечатление.

Чуну вздрогнул при звуке знакомого голоса. Он было притворился, что не услышал, но знал, что это все равно бесполезно.

Он пытался избежать этой встречи. С тех пор как на его пороге появился тот тупоголовый токкэби, утверждавший, что его послал Хёк. На самом деле именно тревога заставила его сегодня покинуть квартиру в поисках компании.

Повернувшись, Чуну увидел жнеца. Он был прекрасен. Выше даже Чуну. Стройная фигура. Изящный бантик полных губ. Густые ресницы. Алебастровая кожа, которая делала его похожим на высеченную из мрамора статую. Его красота казалась почти потусторонней. Хотя, подумалось Чуну, оно и логично: Хёк не принадлежал этому миру. Именно это изначально и привлекло Чуну к этому существу с юным лицом, но старой душой. Он напоминал токкэби о его собственных невзгодах. О его навсегда застывшем в закате подростковых лет теле и бремени вечности на душе. Хёка, похоже, бессмертие никогда не тяготило, и раньше Чуну тоже к этому стремился, пока не отказался от попыток обрести внутренний покой.

Хёк был одет с головы до ног в черное, и даже федора у него на голове попадала в тон. Будь он простым смертным, Чуну обеспокоился бы, что парень получит тепловой удар, но он знал, что чосын саджа чувствуют все иначе, даже когда посещают мир смертных.

– Что ты здесь делаешь? – Чуну попытался придать лицу нейтральное выражение. Жнецы никогда не умели распознавать людские эмоции; у них это получалось почти до смешного плохо. Но за то время, что они провели вместе, Хёк научился видеть Чуну насквозь.

– Я думал, ты будешь ждать меня. Ты ведь встречал моего посланника?

– Ну да, я заметил, как ты старался привлечь мое внимание, – ответил Чуну. – Чего ты хочешь?

Хёк неловко улыбнулся, но Чуну знал, что эта неловкость была вызвана лишь его неумением выражать эмоции.

– Мне ничего от тебя не нужно, старый друг. На самом деле я явился, потому что хочу тебе помочь.

– Как мило с твоей стороны, – проворковал Чуну так сладко, что в его голос хотелось упасть с головой. Его терпение подходило к концу. И он знал, что Хёк поймет это тонкое предупреждение.

– Похоже, что-то влияет на наши миры.

– Что-то помимо обычных ужасных болезней? – Чуну приподнял бровь.

– Что-то происходит в Срединном мире. Нечто из мира живых создает разрыв.

– В Срединном мире? – переспросил Чуну. Он провел с Хёком много времени, но так и не научился понимать мир жнеца до конца.

– Срединный мир – это место, где обитают души, прежде чем смогут перейти в загробную жизнь.

Это звучало не очень хорошо.

– Что-то вроде царства призраков? Что его может связывать с миром живых?

– Именно это я и явился выяснить. Слишком многое изменилось. Призраки появляются в этом мире. И мои способности работают не так, как должны. Сегодня я следовал за одним из сбежавших призраков, и меня увидел смертный, хотя я должен был быть скрыт от его глаз.

– Призраки и раньше просачивались в мир смертных, – отметил Чуну.

– Да, но на *время* и лишь там, где границы между миром живых и миром Срединным истончились. Однако, если призрак пробудет в мире смертных слишком долго, он начнет плохо влиять на живых.

– Ну поразвлекаются они чуток в мире смертных, ходят по пятам за людьми, на которых затаили обиду. Что в этом плохого?

– Их долгое присутствие чересчур сильно влияет на психику живых. Смертные начнут медленно сходить с ума, а это может привести к фатальным последствиям, – пояснил Хёк. – Нарушится баланс жизни и смерти.

Чуну не понравилось зловещее предостережение, прозвучавшее в словах Хёка, но он никак не мог понять, причем тут он.

– И что тебе нужно от меня?

– Я мало что знаю, но могу сказать, что источник разрыва находится неподалеку отсюда. Словно некая нить энергии соединяет два мира.

Нить энергии где-то неподалеку. Нить, связанная с кем-то, кто еще недавно мог отойти в царство призраков. Сердце у Чуну упало: он вспомнил некую бывшую кумихо, которая буквально несколько месяцев назад потеряла мать и лисью бусинку. Но он оставил свои мысли при себе и просто пожал плечами.

– Извини, не видал никаких нитей энергии в последнее время.

– Ты забываешь: я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой. Мне кажется, тебе что-то известно.

Хёк никогда не играл в игры Чуну. Его всегда раздражало это в жнеце.

– Полагаю, я мог бы предложить свои услуги. В конце концов, я живу в Сеуле уже несколько лет и занимаюсь поиском информации.

– Непременно доложи мне обо всем, что услышишь, – велел Хёк. – Но будь осторожен. В Срединном мире есть не только призраки и неуспокоенные души, но и сверхъестественные существа, попавшие в ловушку.

У Чуну екнуло сердце. Он резко втянул воздух.

– Ее удерживает не один вид магии. Она не сможет освободиться.

– Если можно заманить кого-то ловушку, то можно из нее и выбраться. Как бы глубоко и крепко ты в ней ни запутался.

– Она не выберется, – настаивал Чуну. – Мне обещали.

– Надеюсь на это – ради твоего же блага. Мне бы на твоём месте не хотелось, чтобы на свободе оказался кто-то вроде нее, особенно если она мигом начнет за тобой охотиться.

– Со своими проблемами я сам разберусь, – огрызнулся Чуну. – Мне твои советы не нужны.

– Раньше ты так не думал.

– Что ж, ты и сам знаешь: времена меняются.

Хёк кивнул, спокойно принимая отказ Чуну. Эта его черта всегда одновременно восхищала Чуну и разочаровывала.

– Надеюсь, ты поймешь, что я имел в виду. В память о былых временах.

– Конечно, – кивнул Чуну прежде, чем отвернуться. – Ты действительно думаешь... – Он повернулся обратно, но жнец уже исчез. Он разговаривал с пустотой. Чуну грубо провел руками по лицу, словно пытаясь стереть этот разговор.

Он не видел Хёка больше века. Но от встречи с чосын саджа все его чувства спутались в тугой клубок. Он знал, что жнец не является в мир смертных просто так. Вот почему его предупреждения так сильно взволновали Чуну.

Он медленно двинулся обратно в квартиру и остановился на середине лестницы, увидев, что навстречу ему спускается Миён с мешком мусора. Несмотря на тысячи одолевавших его забот, Чуну заметил, что она выглядит измученной. Бледный цвет ее щек ему не понравился.

– Давай возьму, – потянулся он за мешком, но Миён отстранилась.

– Ккоджё¹⁹, – прорычала она сквозь стиснутые зубы. Однако усталость смягчила ее голос.

Вблизи Чуну увидел мешки у нее под глазами, которых раньше не замечал. Миён застряла в каком-то подвешенном состоянии, о котором он никогда не слышал за все столетия своего существования. Кумихо, которая потеряла свою лисью бусинку и больше ста дней не питалась человеческой энергией, но все еще ходила по земле. Он бы в это не поверил, если бы Миён не стояла перед ним. Бледная и растрепанная, с капельками пота на лбу, но определенно целая и живая. Одно было ясно наверняка: Миён не стала полноценным человеком. Она все еще была связана со сверхъестественным миром.

Иногда ему хотелось спросить ее, почему она это сделала. Почему она пожертвовала своей бусинкой, чтобы спасти умирающую мать? А теперь Йена все равно мертва, и бусинка исчезла вместе с ней. Стоило ли оно того?

Затем Чуну вспомнил, что сказал ему Хёк, и внимательнее присмотрелся к Миён. Было ли в ней что-либо, какая-нибудь аура, которая бы указывала на ее связь со Средним миром? Узнал бы Чуну какой бы то ни было знак, если бы увидел его?

– Как ты себя чувствуешь? – рискнул спросить он.

– Как будто у меня над ухом постоянно жужжит надоедливый жук. И сколько бы я его ни била, он не подыхает.

– Ха-ха, – сухо рассмеялся Чуну. – Ты слишком много времени проводишь с Сомин. Твои оскорбления становятся все более ядовитыми.

– Ты невыносим.

– Миён-а, – начал он, – позволь мне помочь тебе. – Он и сам не был уверен, говорит ли только о мусоре или о чем-то большем.

¹⁹ Ккоджё (кор. ##) – груб. «отвали», «исчезни».

– Нет, – твердо отрезала Миён. – Я не понимаю, почему ты все еще здесь. Ты притворялся, что тебе не все равно, получу ли я обратно бусину, но все это время тебя волновало лишь, что ты в итоге поимеешь. Что ж, тебе заплатили, и всего-то и нужно было – предать меня да помешать мне найти Джихуна с мамой, пока отец их не схватил.

– Это несправедливо, – начал оправдываться Чуну. – Я сделал то, о чем меня попросила Йена. Откуда мне было знать, что твой отец желал вам с Йеной зла? – Он потянулся к Миён, но та низко зарычала – она так и не избавилась от этой хищной привычки – и оттолкнула его руку.

А затем остановилась.

– Чем ты таким занимался?

– Что? – переспросил Чуну, не зная, как реагировать на ее подозрительный взгляд.

– На тебе энергия смерти, – тихо проговорила Миён. – Словно гнилая ци.

– Ты все еще чувствуешь вкус ци? – удивился Чуну.

– Просто ответь на мой вопрос, – ошетинилась Миён.

– Даже не знаю, – пожал он плечами. Ему не хотелось рассказывать о разговоре с Хёком – сначала он попытается разобраться во всем самостоятельно. – Клиенты у меня порой бывают не самые вкусные. Может быть, ты учуяла одного из них.

Еще секунду Миён пристально смотрела на Чуну, а потом отвернулась.

– А, какая разница, – отмахнулась она.

Но, как только Миён начала спускаться по ступенькам, она споткнулась. Подвернула лодыжку. Вскрикнув от неожиданности, она полетела с лестницы вниз, и мешок выпал у нее из рук. Чуну бросился вперед, но кумихо уже приземлилась на землю.

Ее руки покрывали синяки, а кожа на ладонях была разодрана: она пыталась остановить падение.

Ее вид выбил Чуну из колеи: девушка, в прошлом бессмертная, теперь лежит на земле с кучей синяков и порезов.

Вся эта боль – и зачем, чтобы не чувствовать вины за убийство нескольких душ?

«Стоило ли оно того?» – снова задумался Чуну.

7

Снова оказавшись в лесу, Миён поняла: это происходит вновь. Еще одно осознанное сновидение. Она стояла у мэхвы ²⁰, где установила мемориальную табличку в память о матери. На дереве не было листьев, и воздух казался по-зимнему холодным, хотя Миён знала, что в реальном мире летняя жара буквально сжигает город.

Она начала искать мать, прежде чем услышала шорохи среди деревьев. Шелест листьев, как гром, эхом отдавался в ее ушах.

– Омма? – Голос у Миён дрогнул. – Омма, если ты здесь, скажи что-нибудь.

Треснула сухая ветка, мелькнули тени, и Миён развернулась лицом к тому, кто появился из леса. Но там никого не было. И когда чья-то рука опустилась ей на плечо, она с криком подпрыгнула.

– Почему ты продолжаешь возвращаться? – в голосе Йены слышалась тревога.

– Я не хотела. – Миён задыхалась от испуга. – Где мы? Во сне?

– Не совсем, – промгчала Йена и не стала продолжать.

– Тогда где? – Разочарование вытеснило наполнявший Миён страх.

– Тебе нельзя больше сюда приходить, – сказала Йена вместо ответа. – Это небезопасно. Они знают.

– Кто знает? – Миён осмотрелась в поисках таинственных «они».

– Уходи. – Йена отступила, ее лицо, становясь прозрачным, сливалось со стволом сливы. – Не возвращайся.

– Омма, подожди. – Миён шагнула вперед, но земля под ногами как будто превратилась в зыбучие пески, и до матери ей было не добраться. – Не уходи. Скажи мне, что ты имела в виду? Кто знает?

Йена не ответила. Ее кожа стала бледной, затем серой, фигура ее слилась с деревом. А потом она исчезла совсем.

– Омма! – звала Миён, отчаянно желая вернуть мать.

Ее голос эхом разнесся по лесу. По этому месту, которое было сном и в то же время им не было. Глубоко в костях Миён засел холод, словно она находилась там, где не полагалось. Словно это место отвергло ее, и, если она не уйдет, неизвестно, что может с ней произойти.

²⁰ Мэхва, или мэйхуа (кор. #####) – азиатское цветущее сливовое дерево. Также иногда называют мэсиль (кор. #####).

8

Сомин ненавидела ждать, но только это ей и оставалось делать после того, как отвезли Миён в больницу. Врачи разрешили Джихуну посидеть с ней, главным образом потому, что он попросту отказывался ждать снаружи. Но Сомин и Чуну отправили в большую зону ожидания, где перед большим телевизором, по которому крутили новости, рядами стояли десятки стульев.

Сомин притворилась, что смотрит в экран, но на деле даже не вслушивалась в обсуждение ведущих.

Тревожную монотонность ожидания нарушил Чханван, вбежавший в больницу и что-то спросивший на стойке регистрации. Наверное, пробормотал какой-нибудь бессмысленный вопрос.

Его направили в зону ожидания, и он поспешил туда.

– Сомин-а, хён, что случилось?

– Они все еще ждут результатов анализа крови, – ответила Сомин. Она практически чувствовала волны тревоги, исходящие от Чханвана. Он плохо справлялся со стрессом.

– Чханван-а, давай-ка ты лучше сядешь и вместе с нами подождешь? – предложил Чуну. Его голос был мягким и спокойным. Кто-нибудь мог бы даже назвать его успокаивающим, но только не Сомин.

– Я бы лучше что-нибудь поделал, – отказался Чханван. – Кофе хотите?

– Нет, – сказала Сомин.

– Конечно, – одновременно с ней ответил Чуну.

Чуну бросил на нее тяжелый взгляд, подразумевавший, что она не права. Сомин хотела упрямо настоять на своем, но, заметив, как нервно мечется взгляд Чханвана между ней и Чуну, поняла, что дело не в кофе. Просто некоторым нужно что-то делать, а не сидеть и ждать. А ведь буквально парой минут ранее она сама сокрушалась о том же.

– Ладно, – сдалась Сомин. – Мне бы не помешало чего-нибудь выпить.

– Договорились. – Чханван отправился на поиски кофеина, в котором он сам явно не нуждался.

– Послушай, я знаю: ты волнуешься... – начал Чуну.

– Тогда тебе следует оставить меня в покое, потому что ты моим нервам не поможешь. –

Сомин отвернулась, чтобы пересесть на другое место.

– Я все понимаю: я тебе не нравлюсь. Но я тоже беспокоюсь о Миён. У меня есть право быть здесь.

– Ах вот как? – Сомин снова повернулась к Чуну. – У тебя есть право быть рядом с человеком, чью жизнь ты буквально четыре месяца назад перевернул с ног на голову своими секретами и ложью?

– Это несправедливо. Я считал, что помогаю ей. В этой игре оказалось больше игроков, чем я подозревал. – Чуну запустил руки в волосы и взъерошил их, и Сомин вдруг поняла, что впервые на ее памяти он выглядит не очень. Рубашка на нем была расстегнута, волосы растрепаны, а между бровями залегла тревожная морщинка.

И все же Сомин отказывалась давать ему слабину.

– Мне трудно поверить, что тот, кто может, по его словам, выяснить все на свете, понятия не имел, что отец Миён вернулся и что-то замыслил. Ты мог бы предупредить ее. Мог бы защитить их обеих.

– Да, я могу выяснить все что угодно, но не стану же я искать информацию, которая меня не касается. Я ищу только то, за что мне платят.

Сомин покачала головой:

– Как скажешь. Делай что хочешь, только меня не трогай.

– Да за что ты так сильно меня ненавидишь? – вскинул руки Чуну.

Сомин насмешливо хохотнула:

– Я же только что сказала.

– Нет, ты вела себя так задолго до того, как с Миён что-либо случилось. Ты ненавидела меня с самой нашей первой встречи. – Чуну приблизился, внимательно рассматривая Сомин, как будто собирал ее по кусочкам.

– Мне просто не нравятся такие люди, как ты.

– Такие люди, как я? – Губы Чуну изогнулись в изумленной улыбке, и Сомин яростно захотелось стереть ее с его лица. – Ты имеешь в виду дьявольски привлекательных людей?

– Ну, слово «дьявольский» ты точно подобрал, – съязвила Сомин.

– Ты же знаешь, мы бы отлично провели время. – Чуну заискивающе улыбнулся.

Сомин издала звук рвотного позыва.

– Поверь мне. Мне противен твой типаж.

– И какой же у меня типаж?

– Ты из тех, у кого за внешней дымкой таится пустота. Ты хочешь, чтобы люди думали, что ты такой весь горячий и загадочный, но держу пари, что за всем твоим блеском и улыбками нет ничего, что могло бы подкрепить твои громкие слова.

Сомин привыкла к тому, что ее слова попадают в цель. Именно так она держала в узде школьных хулиганов. В конце концов, Чуну похож на них – на ребят, крадущих у первоклассников ²¹ деньги на обед, настолько неуверенных в себе, что приходится прятаться за бравадой. Но ткни их пальцем – и они сдуются, как старый воздушный шарик.

Но вопреки ее надеждам улыбка Чуну стала шире. Он наклонился немного ближе.

– Просто признай: ты заинтригована, что может таиться за этой дымкой. Или ты боишься обжечься?

– Я боюсь заболеть эмфиземой, – ответила Сомин, скрестив руки на груди. Не позволяя ему увидеть ее истинные чувства, хотя пульс у нее участился.

Из-за угла показался Чханван, осторожно несущий три переполненных стакана с кофе, и Сомин использовала эту возможность, чтобы повернуться спиной к непоколебимой ухмылке Чуну. Чханван, должно быть, купил кофе в одном из автоматов, потому что крышек у стаканов не было, а зря – часть кофе уже расплескалась и испачкала ему рубашку.

– Чханван-а, – укорила его Сомин, – вот зачем ты так быстро идешь с кофе в руках?

– Я не хотел, чтобы он остыл. – Чханван поморщился: кофе ошпарил ему голую руку, уже розовую от пролитых ранее капель.

Прежде чем Сомин смогла протянуть руку, Чуну ловко выхватил у Чханвана два стакана и подал один ей. Она засомневалась, стоит ли ей брать его. Или лучше опрокинуть стакан на него? Но она знала, что это ребячество, поэтому приняла стакан, стараясь ни в коем случае не прикоснуться к руке Чуну.

Она подула на свой напиток, но, сделав глоток, буквально зашипела от боли – такой горячий был кофе.

– Осторожнее, неужто ты обжечься решила? – сказал Чуну, наблюдая за ней поверх края своего стакана. Судя по его самодовольному и многозначительному тону, он имел в виду нечто большее, чем кофе.

Громкий голос эхом разнесся по больничной приемной.

– Чханван! – Это не был крик, но прозвучало очень глубоко и властно. – Как ты посмел сбежать с занятий? – К Чханвану подошел его отец и недовольно ткнул того пальцем в грудь.

²¹ Образование в Южной Корее делится на начальную, среднюю и старшую школы. В начальной школе шесть классов, в средней и старшей – по три.

Как и сын, он был высоким. Но если Чханван выглядел неуклюжим и угловатым, то у его отца от регулярных тренировок была плотная фигура. Однажды Чханвана заставили тренироваться с ним целую неделю. У него все так разболелось, что он едва мог ходить и жаловался, что у него появились синяки в местах, о существовании которых он раньше и не подозревал. Вскоре его отец отказался от попыток заставить сына нарастить мышечную массу, точно так же как он отказался от многих других вещей в отношении сына.

– Но абоджи ²², моя подруга...

Отец отвесил ему звонкий подзатыльник, и Чханван умолк. Сомин хотела вмешаться. Но вместо нее за друга вступился Чуну.

С открытым ртом Сомин наблюдала, как токкэби встал, словно живой щит, между Чханваном и его кипящим от злости отцом.

– Господин, кажется мне, мы до сих пор не встречались. Меня зовут Чуну, – холодно поздоровался он, не удосужившись даже поклониться в знак приветствия – вместо этого он только слегка наклонил голову. Этот жест определенно не ускользнул от внимания отца Чханвана.

Господин О сжал челюсти:

– У меня нет времени вести светские беседы с твоими друзьями, Чханван. Садись в машину.

– Да, абоджи.

– Неужели он не может навестить больную подругу? – спросил Чуну.

– Она умирает? – уточнил господин О.

– Насколько я знаю, нет, – сказал Чуну, и Сомин заметила, что токкэби прижимает к боку крепко сжатый кулак, как будто иначе он мог не сдержаться и врезать в лицо господину О.

– Тогда повидаются, когда она выйдет из больницы. Чханван! – прогремел господин О, направляясь к выходу. Он даже не оглянулся убедиться, что сын последовал за ним, настолько он был уверен в своей власти.

– Увидимся позже, хён, Сомин-а, – пробормотал Чханван, смущенно опустив глаза. Сомин подняла было руку, думая утешить Чханвана, но он, ссутулив плечи, бросился вслед за отцом.

– Что это было? – повернулась Сомин к Чуну.

– Ничего.

– Ты выглядел так, словно хотел ударить отца Чханвана.

– Просто ненавижу таких людей, – пояснил Чуну. – Давят на всех, превращают их в ничто, лишь бы почувствовать свое превосходство. Этот человек – трус и хам.

Сомин вздернула брови к челке. Впервые они с Чуну в чем-то были согласны.

– Ого, а ты умеешь удивить.

– Почему? Тебя разве не бесит то, как отец Чханвана с ним разговаривает? Как он унижает его? – отозвался Чуну, и из-за язвительности в его голосе Сомин подумалось, что, возможно, Чуну возмущает не только грубость господина О, но и нечто большее.

– Конечно, меня бесит, как он разговаривает с Чханваном, но что я могу поделать? Он его отец.

– Даже если ты отец, это не значит, что ты автоматически знаешь, как для твоих детей будет лучше, – пробормотал Чуну.

– И что это должно означать? – любопытствовала Сомин, впервые искренне заинтересовавшись токкэби. Похоже, он не так прост, как кажется. Из стакана, все еще зажатом в руке Чуну, повалил пар, а кофе начал пузыриться.

– Эм, Чуну? – позвала его Сомин. – У тебя кофе... кипит.

²² Абоджи (кор. ###) – отец.

Чуну взглянул на свой стакан и спрятал его за спину.

– Пойду прогуляюсь. – Он развернулся на каблуках, выбросил дымящийся стакан в мусорное ведро и свернул в первый попавшийся коридор.

Сомин чуть не бросилась за ним. В животе у нее возникло странное чувство. Чуну определенно было больно, даже если он этого не признавал. Но Сомин беспокоило не это. Беспокоило ее то, что ей вдруг почему-то захотелось его утешить.

«А ну прекрати», – велела она себе. Она направилась в зону ожидания, но тут по ее спине пробежал холодок. Сомин повернулась в сторону коридора, где только что скрылся Чуну. Там стоял какой-то человек. Из-под бейсболки, закрывавшей его глаза, торчали волосы с проседью. Тот самый странный мужчина с улицы!

– Извините, – сказала Сомин. Мужчина пошел по коридору, и она последовала за ним. – Эй! Я только хотела вас кое о чем спросить. – Что-то в этом человеке казалось ей таким знакомым... но что?

Сомин шла и шла, пока не оказалась в совершенно другом крыле. Стояла тишина. Похоже, большинство палат здесь были пусты. Не пищали медицинские аппараты, не болтали медсестры, и без этого привычного шума Сомин показалось, будто она слышит какие-то странные звуки. Как шепоток в воздухе.

– Тут кто-то есть? – позвала она, гадая, куда мог подеваться мужчина. Она напрягла слух, надеясь уловить его шаги, но услышала только свист кондиционера.

Сомин уже собиралась сдаться и вернуться, когда заметила старика. Он стоял, практически прижавшись лицом к двери. На нем был больничный халат, и Сомин подумала, что, может быть, его палату заперли. Могут ли вообще запирают палаты в больнице?

– Господин, вы в порядке? – Сомин оглянулась в поисках медсестры или кого-нибудь, кто мог бы помочь.

Он повернулся к ней, и Сомин, невольно вскрикнув, отпрянула назад.

Глаза у мужчины были белыми как снег, и сквозь них был виден другой конец коридора.

Сомин закрыла рот руками, испугавшись, что крик может спровоцировать мужчину. Но тот только свернул в холл. Он не шел; его ноги не касались земли. Он мягко плыл по коридору.

А потом растворился в бежевой стене.

Сомин зажмурилась так сильно, что в глазах вспыхнули искры. Должно быть, ей помешало. Не может же это быть правдой. Просто отсроченный тепловой удар или что-нибудь в этом роде.

Чьи-то руки опустились ей на плечи, и Сомин снова взвизгнула. Резко развернувшись, она встала в оборонительную стойку. Но вместо призрачной фигуры Сомин увидела Чуну.

– Ого, я пришел с миром. Я здесь не для того, чтобы драться. – Чуну поднял руки ладонями вверх.

Сомин закрыла глаза и скрестила кулаки на груди, поверх своего часто бьющегося сердца.

– Не подкрадывайся так к людям!

– Так я тебя звал. Я думал, ты меня слышала.

Сомин глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

– Нет, я... я отвлеклась.

– Отвлеклась на этот совершенно пустой коридор? – спросил Чуну, заглядывая к ней за спину.

– Не твое дело. – Сомин припустила было по коридору, но передумала. Если именно сюда ушел тот... мужчина, то вряд ли она хочет здесь находиться. По крайней мере одна. Она повернулась и посмотрела на Чуну. Попыталась определиться, что лучше: его компания или призраки.

– Я практически слышу, как в твоей голове крутятся мысли.

– Нет, не слышишь, – сказала Сомин, но на мгновение задалась вопросом, может ли токкэби действительно каким-то образом прочесть ее мысли.

– Что ж, точно могу сказать, что ты напугана. Давай-ка пойдем отсюда.

Она кивнула и позволила Чуну отвести ее обратно в главное больничное крыло.

– Ты пыталась за мной проследить? – полюбопытствовал Чуну.

Сомин рассмеялась:

– Конечно, нет. Ты последний человек, с кем я согласилась бы добровольно провести время. Я просто заблудилась.

Чуну остановился, и Сомин тоже пришлось замереть, иначе бы она налетела на него. Он повернулся и склонил голову набок, словно рассматривая ее.

– Ты еще не устала так сильно ненавидеть меня, Ли Сомин? – спросил Чуну.

Сомин раздражало, как приятно звучал его голос. Как его самоуверенные слова походили на мурлыканье.

– Все же очевидно: так я оберегаю себя от сильного влечения к тебе.

Чуну удивленно нахмурил брови:

– Правда?

– Нет. – Сомин покачала головой. – Я ненавижу тебя. Тебе следует научиться доверять своим инстинктам.

Его улыбка вернулась, но стала острой, как бритва.

– Ты действительно ненавидишь меня или все-таки боишься?

Сомин усмехнулась:

– Ты считаешь, я тебя боюсь?

Он многозначительно наклонился к ней:

– Может быть, ты боишься своих собственных чувств.

Снова в ней, как пар в скороварке, поднялся дух соперничества. Она чувствовала нависший над ней вызов и не хотела проигрывать.

Хрипло рассмеявшись, Сомин протянула руку и схватила Чуну за воротник. Впервые за все время он выглядел потрясенным. Несколько секунд она наслаждалась удивлением в его широко раскрытых глазах, прежде чем прижаться губами к его губам.

Ей потребовалось всего десять секунд, чтобы пожалеть о своем решении. Не из-за поцелуя. Ну... да, из-за поцелуя. Потому что он вызвал в ней что-то, чего она никогда раньше не чувствовала. Как будто каждый нерв в ее теле внезапно стал в десять раз чувствительнее. Она слышала, как бешено бьется сердце. Чувствовала, как онемели конечности. Хотелось, чтобы поцелуй продолжался как можно дольше. Поэтому она отпустила воротник Чуну и обвила руками его шею.

Он тоже обхватил ее руками. Сначала нерешительно. Затем положил ладони Сомин на талию, притягивая ее к себе. И, когда их тела соприкоснулись, он наклонил голову, углубляя поцелуй.

Сомин не думала, что поцелуй может оказаться... чем-то большим. Но он оказался. Чуну блаженно застонал, и этот стон эхом отозвался в ней. Заставил ее желать большего.

Затем в голове у Сомин как будто щелкнул переключатель: она осознала, что творит, и оттолкнула Чуну. Секунду назад они так крепко прижимались друг к другу, но, как только она отстранилась, он отпустил ее. Как будто знал, что ей нужно пространство, иначе она не сможет дышать. Или по крайней мере так ей казалось, пока она глотала ртом воздух.

Сомин не хотела смотреть на Чуну, но не могла оторвать взгляда от его лица. Глаза его были затуманены, словно он по-прежнему был погружен в то, что только что произошло. Словно он не знал, что теперь сделать или сказать.

Они оба не знали: Сомин тоже не могла понять, как открыть рот и выдать хоть слово.

Но, подумав о своем рте, она вспомнила о своих губах. А потом о его губах. А потом о том, что они только что сделали, и ей захотелось растаять и лужицей соскользнуть в канализацию.

– Что ж, похоже, ты доказала, что я ошибался, – проговорил Чуну.

А Сомин даже не могла вспомнить, о чем они спорили. Только знала, что должна уйти. Она не могла сейчас находиться рядом с ним. Вернее, если быть честной, ей хотелось снова оказаться в его объятиях, и с этим Сомин смириться не могла.

– Я пойду проведаю Миён, – сказала она и поспешила по коридору, отчаянно желая сбросить остатки гордости.

9

Как только Миён проснулась, ее ноздри наполнили запах антисептика и уксусная отдушка моющего средства. Поэтому, еще не открыв глаза, она догадалась, что находится в больнице. Она ненавидела больницы. Миён бывала в них лишь несколько раз, когда Джихун был ранен и когда его хальмони умирала. Для нее больницы ассоциировались не с исцелением.

Открыв глаза, она увидела, как по комнате расхаживает Джихун. Его руки были крепко сжаты в кулаки.

– Мог бы и не оставаться, – прохрипела она.

– Миён-а. – В два шага Джихун подскочил к ней. – Ты меня напугала. – Он сел на край кровати. Какое же приятное тепло исходило от его тела.

Миён обняла его за талию. Теперь она чувствовала его запах, крупички стирального порошка, которые прилипли к его рубашке, а под ними – почти что сладкий аромат кожи, похожий на сливки. Джихун погладил Миён по голове, перебирая пальцами пряди ее волос. Это было приятно – как нежный массаж кожи головы.

Ей хотелось остаться здесь навсегда. Просто сидеть с ним в обнимку. Тишина уютно окутывала их. Миён попробовала его ци, сладкую и шипучую, как сидр, но под ней скрывалась горькая тревога.

– Ты устал и встревожен, – заметила Миён. – Я это чувю.

– Эй, мы разве не договорились, что ты не будешь использовать на мне свои оставшиеся лисьи способности, а я не буду заставлять тебя слушать мои тирады о LOL?²³ – напомнил Джихун.

Миён отодвинулась:

– Ляг со мной.

Джихун улыбнулся:

– Могла бы сразу сказать, что хочешь затащить меня в постель.

Она попыталась сдержать улыбку, но не вышло. Джихун знал, как заставить ее смеяться вопреки всему.

– Врачи что-нибудь сказали? – поинтересовалась Миён, когда они улеглись лицом к лицу на узкой больничной койке.

– Они думают, что ты просто переутомлена и обезвожена.

– Когда я могу уехать? – спросила она.

– Тебе здесь плохо? – Джихун нахмурился.

Миён вспомнила все, что он рассказывал ей о тех трех месяцах в больницах. Как сильно он ненавидел это время. Как болезнь давила на его сердце не меньше, чем на тело.

– Нет, со мной все в порядке. Извини, если напугала тебя. – Миён провела рукой по его щеке. Щетина царапала ей ладонь.

– Я люблю тебя, – прошептал Джихун.

Сердце Миён сжалось, но она не могла сказать того же в ответ. По какой-то причине эти слова никогда ей не давались. Вместо этого она подалась вперед и поцеловала Джихуна. Тот удивленно и радостно пискнул. Миён почувствовала, как по ее коже пробежало тепло. И вдруг заметила, что уже не чувствует прежней усталости. Она начала придвигаться ближе, но Джихун отстранился.

– Может, тебе будет лучше немного поспать? – Он прочистил горло, явно взволнованный этим поцелуем.

– Не могу, – сказала Миён.

²³ LOL – компьютерная игра League of Legends.

– Хочешь, расскажу о последней купленной игрушке? Тебя это всегда быстро усыпляет, – усмехнулся Джихун.

Миён закатила глаза и легонько ударила его кулаком.

– Нет, дело не в этом. Я просто... не хочу спать. Не хочу видеть сны.

– Почему? – не понял Джихун. Миён почувствовала, как растет его беспокойство – как будто в его ци затесалась цитрусовая кислинка.

– Там небезопасно.

От мысли, что придется отправиться в то темное место с Йеной, сердце у нее забилось быстрее. Не потому, что она боялась Йену – Миён опасалась, что из желания побыть еще немного с матерью она все больше и больше времени будет проводить во снах, пока в конце концов не останется в них навсегда.

– Но, если ты не будешь спать, тебе не станет лучше. Я не врач, конечно, но это всем известно.

Смех Миён перерос в зевок. Она почувствовала, как тяжелеют веки, как на нее наваливается усталость. А рядом с Джихуном она впервые за неделю чувствовала себя совершенно спокойно.

– Я боюсь снова ее увидеть, – призналась Миён.

– Кого? – Джихун нежно откинул ее волосы назад.

– Маму, – пробормотала Миён, уже засыпая. Как бы она ни пыталась держать глаза открытыми, те отказывались повиноваться. И против своей воли Миён заснула.

10

Чуну стоял у двери в палату Миён. Сомин наконец-то убедила Джихуна перекусить в кафетерии. Время обеда прошло несколько часов назад, но никто из них до сих пор не поел. Чуну решил: раз уж он должен проведать Миён, то нужно сделать это сейчас, только вот не факт, что от встречи с ним ей станет лучше. И все же надо проверить, как она себя чувствует. После разговора с Хёком Чуну понимал, что это происшествие не могло быть случайным совпадением. Если Миён каким-то образом связана со Срединным миром, то это объясняло, почему ей не стало лучше после смерти матери. А если именно из-за Миён произошел разрыв между царством призраков и миром смертных, то Хёк рано или поздно придет за ней. Чуну надо было подтвердить свои догадки.

Когда он зашел, Миён сидела в постели.

– Чего тебе надо? – ошетинулась она.

От ее пренебрежительного тона у него свело живот, но Чуну умел скрывать боль.

– Зашел вот проведать пациента. Вам нужно взбить подушки? Я неплохо это умею. В конце концов, я застал момент их изобретения.

– Я бы с удовольствием накрыла тебе лицо подушкой, пока ты не перестанешь дышать, – пробормотала Миён себе под нос. Но Чуну отчетливо все услышал.

– Ой, да ладно тебе. – Он попытался изобразить самую яркую свою улыбку, но она казалась такой натянутой, что у него разболелись щеки. – Не можешь же ты ненавидеть меня настолько сильно. Согласись, я привношу чуток радости в твою серьезную и мрачную жизнь.

– Почему ты все еще здесь? – спросила Миён.

Его улыбка слегка померкла.

– Я же сказал: зашел проведать пациента.

Миён усмехнулась.

– Нет, почему ты все еще в Сеуле, зачем пристаешь ко мне? Не понимаю, почему до сих пор не уехал? Ты наломал дров, заработал на этом. Думаю, ты и сам знаешь, что я ни в жизнь не воспользуюсь твоими услугами. Так почему ты до сих пор здесь?

Вероятно, подумал Чуну, он это заслужил. Но от этого ее слова слаще не стали. Чтобы выиграть время, он отвернулся налить воды и заодно подумать над ответом. Он протянул кружку Миён, а когда та отказалась ее взять, сам залпом выпил всю воду.

– Я не из тех, кто признает свои ошибки, – начал Чуну. – Но я чувствую вину за то, какую роль сыграл во всем произошедшем.

– Ты ведешь себя так, будто случайно поскользнулся. И тут-то Йена Джихуна и умыкнула.

– Я думал, она хочет защитить тебя. Откуда мне было знать, что твой отец дергает за веревочки, чтобы убить тебя?

– Разве это не твоя работа – знать все? – Миён приподняла бровь.

Она подловила его. И, если быть честным, Чуну не доверял отцу Миён с того момента, как узнал, что этот человек что-то вынюхивает. Но не его дело подозревать. Его дело – выполнять работу, за которую Йена ему заплатила.

– Послушай, я очень долго выживал, прибываясь к победителям. И мне казалось, Йена точно победит. Я не мог предвидеть действия твоего отца. Не мог предсказать, как сильно твоя любовь к Джихуну повлияет на ход событий.

Миён скрестила руки на груди. Выражение ее лица было холодным, как зима. Понятно, почему в школе ее прозвали снежной королевой.

– Ну и что? Ты хочешь извиниться передо мной? Не трать время зря. Я не приму твоих извинений. Я тебя не прошу.

– Знаю, – кивнул Чуну. – Может быть, поэтому я до сих пор и не извинился.

Миён насмешливо хмыкнула:

– Тоже мне, нашел оправдание. Если бы тебе действительно было не все равно, ты бы извинялся каждый день.

Она была права, и все же Чуну не мог произнести эти слова. Кто-то решил бы, что это гордыня. Но как назвать то чувство, которое росло в нем веками, это желание быть выше других, чтобы чужое мнение не трогало его? Не могло причинить ему боль?

– Я не привык ошибаться, – продолжил Чуну.

Миён фыркнула.

– Хорошо, я не привык *признавать*, что допустил ошибку, – исправился Чуну. – Но я действительно чувствую, что я перед тобой в долгу. Меня это ужасно гнетет. И пока я не почувствую, что отплатил сполна, я останусь здесь.

– Не пытайся быть тем, кем не являешься, – сказала Миён. – Я долго старалась, но у меня не вышло. Я потеряла почти все, потому что хотела скрыть, кто я есть на самом деле.

Чуну нахмурился:

– И ты считаешь, что на самом деле я эгоистичный и бессердечный гоблин?

Миён пожала плечами:

– Типа того.

– Ну, может быть, я больше не хочу быть таким. – Слова вырвались прежде, чем Чуну успел их обдумать.

– Я тебе не верю, – отрезала Миён. Настолько прямолинейно, что Чуну мог бы и обидеться, не зная он ее бесцеремонного характера.

– Но я серьезно. Иногда я... – Чуну позволил слову утонуть в тишине, не зная, как закончить. Нет, неправда. Он точно знал, как хотел продолжить. И что бы он ни пытался сделать или сказать за последние четыре месяца, Миён его так и не простила. Так почему бы не сказать правду? Раньше он никогда этого не пробовал. – Иногда я думаю, что хотел бы доказать всем: я больше, чем просто чудовище из сказки. Люди придумывают все эти истории про нас и обвиняют нас во всех грехах человеческих. У нас должен быть шанс отстоять свою честь. Ты со мной согласна?

– Я больше о подобном не думаю. Эта жизнь теперь позади.

Провал. Миён по-прежнему смотрела на Чуну с подозрением, пытаясь понять, чем еще он мог руководствоваться.

– Что ж, очень надеюсь, что тебе станет лучше. Я знаю, ты не веришь ничему из того, что я говорю. Но это правда.

Он ушел прежде, чем она успела бросить еще одну колкую насмешку.

Закрыв дверь, Чуну задумался, какого черта он тратит время на все это. У него были дела поважнее. Он запустил бизнес. И хотя деньги у него водились в достатке, не следовало слишком долго пускать дела на самотек.

Затем что-то привлекло его внимание. Что-то, чего не должно было здесь быть. По коридору двигалось с полдюжины человек: медсестры и пациенты, врачи и члены семей. Но, словно легкое дуновение на коже, его внимание притянул образ в черном. Чуну встретился взглядом с Хёком, прежде чем чосын саджа исчез в коридоре.

Чуну не убежал. Жнец явно хотел, чтобы он последовал за ним. И когда Чуну повернул за угол, то он увидел, как в конце коридора медленно закрывается дверь.

Проскользнув в темную комнату, Чуну понял, что это кладовка. В дальнем ее углу Хёк разглядывал коробку с марлей, словно ничего увлекательнее в жизни не видел.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Чуну.

– Разве так приветствуют старого друга?

Услышав слова «старый друг», Чуну заскрежетал зубами.

– Я не в настроении для загадок, Хёк. Что ты здесь делаешь?

– Мне просто интересно, как у тебя дела. Как поживает твоя... подруга?
Инстинкты Чуну закричали. Хёк не из тех, кто тратит свое время на подобные глупости.

– Почему ты здесь? – повторил Чуну.

– Ты знаешь почему.

– Не надо.

– Не надо что?

– Не делай с ней того, за чем ты пришел, – попросил Чуну.

Хёк покачал головой:

– Ты же знаешь: ты не можешь мне ничем помешать.

– Поэтому я *прошу* тебя не делать этого, – настаивал Чуну. – Пожалуйста. В память о былых временах.

Хёк вздохнул, затем поджал губы. Он всегда так делал, когда раздумывал. Хороший знак – в девяти случаях из десяти жнец был настолько уверен в своих целях, что не давал себе даже секунды на размышления. Эта черта была присущая всем чосын саджа: если им дадут задание, они ни перед чем не остановятся. И ни за что не передумают. Вот почему многие называли их сверхъестественными бюрократами.

– Я чувствую энергию, исходящую от этой кумихо, – поделился Хёк. – Она связывает ее с чем-то в Срединном мире.

– И с чем же, ты знаешь? – спросил Чуну, хотя уже подозревал.

– Ты когда-нибудь спрашивал себя, как кумихо могла выжить, сто дней не питаясь энергией? – сказал жнец вместо того, чтобы ответить на вопрос.

– Конечно, – кивнул Чуну. – Но мы решили, что это из-за пропажи ее бусины. – Вдруг его осенило: – На самом деле бусина не пропала. Она где-то в Срединном мире.

– И все еще связана с кумихо, – дополнил жнец.

– Как нам ее найти? – вслух поинтересовался Чуну. – И что может удерживать ее в Срединном мире?

– Это не моя забота. Я просто хочу прервать эту связь. Не важно как.

Это оно! Чуну в деле.

– Так дай мне шанс.

– Шанс? – Хёк рассмеялся. – Что ты можешь сделать, токкэби без панмани?

Его слова заделали Чуну, и он осознал, что их отношения со жнецом больше нельзя назвать близкими. Хёк должен был знать, что упоминание посоха токкэби его обидит.

– Я находчивый. Сам знаешь.

Хёк кивнул:

– У тебя семь дней, чтобы разорвать связь кумихо с бусинкой и со Срединным миром.

Не успел Чуну почувствовать благодарность, как понял, что это было слишком легко. Именно этого жрец с самого начала и добивался. Чуну все не переставал удивляться, почему Хёк сперва пришел к нему, вместо того чтобы сразу отправиться за Миён.

– Почему ты даешь мне шанс? – поинтересовался Чуну.

– Потому что ты можешь дать мне то, что я хочу, без преждевременных смертей. Мы не любим вмешиваться в мир живых. Жнецы не судьи и не палачи, мы направляем души в мир мертвых, когда они умирают. Ради благой цели – восстановления баланса между мирами – я был готов убить девчонку, но сильно удивился, увидев рядом с ней тебя.

Чуну кивнул. Он знал, что раздражаться бесполезно. Хёк не придаст этому никакого значения.

– Так и что? Ты следил за нами?

– По какой-то причине ты привязался к этой кумихо. Сначала я подумал, что это довольно романтично.

Чуну широко раскрыл глаза:

– О нет, определенно нет.

Хёк удивительно тепло усмехнулся:

– Я так и понял. Но ради нее ты все время держишься где-то поблизости. Интересно, что же в ней такого особенного?

– Я в долгу перед ней, – поведал Чуну. – И, по-видимому, у меня есть семь дней, чтобы этот долг вернуть.

– Я даю тебе шанс, потому что знаю, что тебе можно верить, – промолвил Хёк. – Но и я не бросаю слов на ветер, как ты помнишь. Если ты не разорвешь связь между этой энергией и девушкой, мы сделаем то, что должно. Можешь быть уверен.

– И кто это «мы»? – поинтересовался Чуну, хотя ему казалось, что он уже знает ответ. Раньше они с Хёком пытались притворяться, что не имеют отношения к мирам, к которым принадлежат. Мир Чуну – мир сверхъестественных существ, бродящих по земле. И мир Хёка – мир чосын саджа, которые пожирают души умерших и ведут их по Пути Хванчхон в загробную жизнь.

Однако вскоре эти миры заявили свои права на них. И зря они, как сушие дураки, думали, что этого не произойдет.

Чуну был не в настроении встречаться с друзьями-жнецами Хёка. Или наблюдать, как они забирают Миён в загробную жизнь.

– Разберись, – велел Хёк вместо того, чтобы ответить на вопрос Чуну. – Или это сделаем мы. У тебя семь дней.

И он оставил Чуну одного в тесном складском помещении среди бинтов и чистых уток.

Жил-был мальчик по имени Синьей, который вырос прекрасным молодым человеком, а затем стал великим генералом.

Он был опытным и уважаемым человеком при жизни, но больше всего он хотел одного: обмануть смерть.

Однажды пришел к Синьей чосын саджа, и тот понял, что жнец явился по его душу. Чосын саджа попытался войти в дом Синьей, но не смог пересечь окружающие его апельсиновые деревья. В своих изысканиях Синьей узнал, что апельсины защищают от зла. Поэтому он посадил их вокруг своего дома.

Три дня не мог войти чосын саджа. Но на четвертый день он нашел персиковое дерево, древо зла. С помощью персикового дерева чосын саджа пересек стену.

Однако, когда он вошел в дом, Синьей стоял там с серебряной булавкой, приколотой к головному убору. Синьей знал, что серебро защищает от злых богов.

Чосын саджа не ушел, но спрятался под полом. Когда Синьей пошел умыться, он снял булавку, и явился жнец, и ударил его железным молотом.

И так Синьей отправился в загробный мир, но он еще не сдался. Ибо он был умным человеком и подготовился к такому повороту событий. Сразился он с кэккви – духами, обитающими между подземным миром и миром смертных, которые чинили ему препятствия на пути в мир живых. Но были его навыки в бою так велики, что победил он и вернулся в мир смертных.

Однако когда Синьей вернулся в свое тело, то обнаружил, что семья уже похоронила его. Он не подготовил способа сбежать из собственной могилы. Поэтому он задохнулся и снова вернулся в подземный мир.

Потому что, как бы Синьей ни сражался, жнецы пометили его смертью. И ни одна душа не сможет вырваться из объятий чосын саджа, если тот положил глаз на нее.

11

Миён чувствовала себя обузой. Всю свою жизнь она старалась быть незаметной, невидимой. А теперь она оказалась в центре внимания, пока госпожа Мун торопливо прибиралась в квартире, чтобы принять неожиданного гостя, и бормотала, что надо бы сходить на рынок да купить бычий хвост для супа. Маленькая белая собачка Джихуна, Дубу, прыгала вокруг, время от времени останавливаясь порычать на Миён. Собаки ненавидели лис, и Дубу всегда видела Миён насквозь.

Сомин с Джихун спорили о том, как лучше накрыть стол для семейного ужина. Именно за этим Миён и привезли сюда из больницы. Госпожа Мун рассказала, что, когда Джихун с Сомин были маленькими, каждое воскресенье они устраивали семейные ужины и она хотела бы возродить эту традицию.

С полдюжины раз Миён вставала и порывалась уйти, но каждый раз чувствовала, как у нее подгибаются ноги. Как кружится голова. Казалось, она никак не может отдышаться. Доктор сказал, что она мало спит. Мало – это еще мягко сказано. Она боялась ложиться спать, так как не знала, что значат постоянные появления матери. Но в глубине души Миён понимала, что Йена ушла не до конца – по крайней мере не для нее. А еще она переживала, что ее сны были вовсе не сверхъестественным явлением, а признаком того, что она медленно сходит с ума.

– Сомин-а, куда ты положила мои туфли, те, что с кисточками? – воскликнула госпожа Мун, роясь в обувном шкафу в фойе. Наружу вываливалось все больше обуви, пока она двигала стопки туда-сюда.

– Ты их выбросила, – крикнула Сомин из кухни. – Сказала, что в них у тебя лодыжки толстыми выглядят.

– Нет. То были мокасины, – отозвалась госпожа Мун, вынув пару белых теннисных туфель, изучив их, затем покачав головой и кинув их к остальным.

Сомин вышла из кухни и начала убирать беспорядок.

– С кисточками и были мокасинами. Ты их выкинула.

– Я их выкинула? – нахмурилась госпожа Мун, уставившись на пару сандалий. – Эх, а мне они нравились.

Сомин начала запихивать обувь обратно в шкаф. Достав пару кроссовок, в которых мать ходила в больницу, она протянула их госпоже Мун.

– На прошлой неделе ты назвала их пустой тратой денег и сказала, что жалеешь, что дала продавщице уговорить тебя на покупку.

Госпожа Мун нагнулась, чтобы надеть кроссовки.

– Да, но это было на *прошлой* неделе. На этой неделе я вспомнила, что они мои любимые.

– Ну, если через неделю ты все еще будешь по ним скучать, можем пойти за еще одной парой.

– Спасибо, доченька, я с удовольствием, – поблагодарила госпожа Мун. Затем она повернулась к Миён: – Ты отдыхай. Я пока схожу за ингредиентами для миёккука ²⁴.

– Для соллонтхана ²⁵, – поправила ее Сомин.

– Да, для соллонтхана. – Госпожа Мун поцеловала Сомин в щеку. – Звони, если что-нибудь понадобится.

Когда дверь за матерью захлопнулась, Сомин наклонилась собрать вывалившуюся обувь.

– Впервые вижу такую мать, – вырвалось у Миён прежде, чем она сумела остановить себя.

²⁴ Миёккук (кор. ###) – суп из морской капусты, часто подают на день рождения и во время болезни.

²⁵ Соллонтхан (кор. ###) – суп из воловьей ноги, который варят много часов до приобретения молочного цвета.

– Да, знаю. – Сомин рассмеялась. – Я частенько боюсь, как бы она не забыла обуться, прежде чем выйти из дома.

– Но она очень любит тебя. – Миён сдавило грудь. – Это видно.

Сомин улыбнулась и села рядом с ней на диван. Подняв позабытый Миён чай, она протянула ей кружку.

– Пей свой чай, а то моя любящая мама будет читать мне лекции, что я плохо ухаживаю за гостьей.

– Знаешь, тебе повезло с матерью, – проговорила Миён, потягивая чай. – Она любит тебя без всяких условий.

– Твоя мать тоже любила тебя, просто проявляла любовь по-другому.

– Да, может быть, – согласилась Миён.

– И послушай... да, у меня веселая и клевая мама, но быть ее дочерью нелегко. Я нередко чувствую себя родителем.

Миён рассмеялась. Она заметила. Госпожа Мун казалась такой беззаботной. И она позволяла Сомин делать практически все, что та хотела. Миён задавалась вопросом, каково это. Каково иметь мать, которая так тебе доверяет.

– Мне правда не стоит оставаться на ночь. Твоя мать говорила, что теперь вам с Джихуну едва хватает места. Я могу поехать в отель.

– Ты не остановишься у Чуну?

Сомин так странно произнесла имя Чуну. Как будто хотела выплюнуть его как можно быстрее. Как будто боялась его произносить.

– Не знаю. Может быть, так и сделаю. Как-никак, а место знакомое. Пожалуй, не самый плохой вариант. Просто не знаю, могу ли я доверять Чуну.

– Ага, он мне кажется не самым надежным парнем.

– Тебе *кажется*? Я думала, ты президент клуба ненависти к Чуну.

– Так и есть. Наверное, мне просто интересно, есть ли в нем что-то, чего я не вижу. – Сомин повернулась к Миён. – Что ты о нем думаешь? Ну, если по существу?

– Я думаю, что он меня раздражает. Самонадеянный. Утомительный. Назойливый.

– В общем, хуже существа по земле еще не ходило, – кивнула Сомин. И по какой-то причине Миён подумала, что дала Сомин не тот ответ, на который та рассчитывала.

– Ну, не такой уж он и плохой. Но я бы никогда не сказала ему этого в лицо.

– Ты рада, что он все еще здесь? – поинтересовалась Сомин.

– Я бы не сказала, что прям *рада*, – ответила Миён, но вспомнила, что Чуну сказал ей в больнице. «Иногда я думаю, что хотел бы доказать всем: я больше, чем просто чудовище из сказки». Может быть, все это время он прятал свою неуверенность за бравадой. В этом был смысл. Но это не отменяло всего плохого, что он сделал. – Я думаю, Чуну – сложный человек. Я думаю, что большую часть времени он сам не знает, какой он – настоящий Чуну.

– Как ты думаешь, несмотря на все это, он хороший человек?

– Что такое «хорошо»? – заметила Миён. – Что такое «плохо»? Плохой ли тот человек, что лжет, обманывает и убивает? Если так, то я плохая.

– Ты больше этого не делаешь, – нахмурилась Сомин.

– Но я жила так девятнадцать лет. Я не могу этого забыть.

– Хочешь сказать, что я должна дать Чуну шанс?

– Шанс на что? – не поняла Миён. Если бы она не знала Сомин так хорошо, то сказала бы, что в ее голосе звучит тоска.

– Я имею в виду в целом. – Сомин избегала встречаться с Миён взглядом. – Например, не быть с ним такой суровой и что-нибудь такое. А знаешь что? Не важно. Пойду накрою на стол. – И с этими словами она вылетела из комнаты.

Миён оставалось только гадать, что происходит между Сомин и Чуну. Потом она сказала себе не беспокоиться об этом. Она не станет лезть в чужие дела. Но теперь, когда ее окружали люди, которым она небезразлична, разве не должна она делать то же самое в ответ? Это казалось неестественным – заботиться о ком-то, переживать. Но разве не в этом смысл дружбы?

– Миён-а.

Она резко выпрямилась, затем снова расслабила плечи, когда в гостиную вернулся Джихун и сел на диван.

Миён уронила голову ему на плечо; день выдался слишком длинным.

– Что нам теперь делать?

– Ничего. Просто подожди, пока мама Сомин не вернется с рынка.

– Прости, что доставляю столько хлопот, – пробормотала она, лихорадочно моргая, и вдруг осознала, что сейчас расплечется. Как глупо. С чего бы ей плакать сейчас? Ведь рядом с Джихуном она чувствует себя в безопасности.

– Никаких хлопот ты не добавляешь. Ты больна. Мы все беспокоимся о тебе... И это бесит тебя, да? – Осознание, прозвучавшее в голосе Джихуна, еще больше огорчило Миён. Он так хорошо ее знал. Временами даже слишком.

– Это странно, – задумчиво произнесла Миён. – Я всегда думала, что я сильная. Но теперь понимаю, что внушила себе эту ложь. А сейчас я медленно вскрываю ее, и приятного в этом мало.

Джихун повернулся, и Миён пришлось поднять голову с его плеча и взглянуть ему в лицо.

– Что ты имеешь в виду? Какая еще ложь?

– Например, я говорила, что мне никто не нужен, кроме моей матери. Я говорила, что мне плевать на людей, которых я убивала, чтобы выжить. Я говорила себе, что я сильная. Что сумею справиться со всем, что принесет жизнь, но теперь...

Стоит ли рассказать Джихуну о снах? О том, что к ней приходит мать?

– Ты сильная, – погладил Джихун ее руки. – Один из самых сильных людей, которых я знаю.

Миён покачала головой.

– Я говорю не о физической силе. Хотя, по-видимому, и ее я лишилась. Я имею в виду, что начинаю понимать, от чего защищала меня мать. И не знаю, что делать теперь, когда ее больше нет.

Джихун кивнул:

– Понимаю. Она была твоим миром. Тебе нелегко смириться с ее смертью.

– Значит, ты понимаешь, что я не могу просто забыть о прошлом и двигаться дальше.

– Хочешь сказать, тебе не нравится наша забота? – Джихун нахмурился.

Миён не знала правильного ответа на этот вопрос, поэтому взяла чай, который уже успел остыть.

– Я говорю, что не привыкла к таким вещам. Люди полдня ждут меня в больнице и настойчиво зовут на семейные ужины. Я чувствую себя обузой.

– Ты не обуза. Именно так и поступает семья. И ты тоже часть нашей странной, ненормальной семьи. Ты ведь знаешь это, верно?

Миён не смогла ответить. Если она скажет «да» – значит ли это, что она забыла Йёну? Если она скажет «нет» – значит ли это, что она никогда больше не сможет рассчитывать на эти отношения? Она всегда думала, что, стань человеком, это бы все упростило, но каким-то образом все, наоборот, стало сложнее. Она покачала головой.

– Ты возненавидишь меня, если я скажу, что еще не знаю?

Джихун взял ее руки в свои.

– Конечно, не возненавижу. Я тоже многого не знаю. Вон Сомин подтвердит.

Миён рассмеялась и поняла, что именно этого он и добивался. Поднять ей настроение. Джихун делал это лучше всего. Она прижалась лбом к его лбу.

– Я точно знаю одно. Несмотря ни на что, я могу доверять тебе.

– Всегда, – прошептал Джихун, затем наклонился, поколебавшись мгновение, прежде чем коснуться ее губ. Как будто спрашивал разрешения.

Миён улыбнулась и подалась ему навстречу. Поцелуй был сладким. Утешающим. Нежное прикосновение губ, которым он жаждал успокоить ее тревоги. Но сейчас Миён не хотелось ничего сладкого. Не хотелось легкости или уюта. Она хотела перестать думать. Поэтому она повалила Джихуна на спину и села на него верхом. Он удивленно ойкнул, его руки упали на ее бедра. Она прикусила его губу и услышала, как Джихун резко вдохнул. Миён улыбнулась, подумав, какую власть имеет над ним сейчас, и наклонила голову, чтобы углубить поцелуй.

Джихун сжимал руки на бедрах Миён все сильнее, пока она целовала его все настойчивее. Она хотела полностью раствориться в нем, лишь бы больше не нужно было оставаться самой собой.

Она начала задира́ть ему рубашку, но Джихун положил руки ей на плечи и отодвинул от себя.

– Нельзя. Не здесь. Не сейчас.

– Я чувствую себя намного лучше, – возмутилась было она, но Джихун упрямо стащил Миён с коленей и усадил на диван. Она протестующе зарычала.

– Сомин или ее мама могут войти в любую минуту.

– И что? – Миён надулась. Ее раздражало, ей напоминали о ее безрассудстве.

Между бровями Джихуна залегла тревожная складка.

– Что происходит? Пожалуйста, расскажи.

– Ничего. – Она скрестила руки на груди и откинулась на подушки дивана. – Видимо, ты не в настроении.

Джихун вздохнул:

– Ну, для этого у меня всегда найдется настроение. Просто... Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Он так хорошо ее знал. Временами даже слишком. И в этот момент Миён ненавидела его за это.

– Я в порядке, просто устала.

– Ладно, может быть, тебе стоит отдохнуть перед ужином. – Он встал, и без тепла его тела рядом ей вдруг стало холодно. – Миён-а.

Она не ответила – лишь решительно уставилась на пустой экран телевизора перед собой.

– Я люблю тебя, – прошептал он. Повисла тишина, и она поняла, что он ждет ее ответа. Такая странная рутина у них сложилась: Джихун произносил слова, от которых сердце у нее билось сильнее и пело, но ответить на них Миён не могла. Он ушел, и она услышала звон посуды на кухне: он взялся помогать Сомин.

Миён не хотела закрывать глаза, но она почувствовала себя совершенно опустошенной. И вскоре она погрузилась в сон и грезы, где ее ждала мать.

12

Сомин шла по дороге в сгущающихся сумерках.

«Не следовало приходить сюда», – думала Сомин, уже, наверное, в сотый раз. И все равно она продолжала путь по узкому переулку, который вел к квартире Чуну. Сомин снова прокрутила в голове то, что хотела сказать. Это так глупо: никогда прежде ей не приходилось заранее обдумать свои слова. Раньше она всегда без колебаний говорила людям то, что думает. Но Чуну ее смущал. И это бесило.

Весь вечер Сомин переживала из-за того поцелуя. Ну... «переживала», возможно, не то слово. Волновалась. Стрессовала. Но Миён сказала, что Чуну не такой поверхностный, как они думали. Что, может быть, под всем этим внешним лоском скрывается нечто... большее. Каким он был на самом деле, Сомин не была уверена. Но, узнав о сверхъестественном мире, она пришла к выводу, что на этой планете очень много вещей, которых она не может понять. Так что, возможно, было в Чуну что-то, о чем она пока понятия не имела. Но одно Сомин знала точно: нужно пресечь это – чем бы оно ни было – в зародыше, прежде чем оно выйдет из-под контроля.

Итак, после ужина она сказала матери, что пойдет позаниматься в учебные комнаты, где большинство старшеклассников снимали себе кабинки. Во время коротких летних каникул места в учебных комнатах не оставалось: их заполняли старшеклассники, готовящиеся к ноябрьскому суныну²⁶. Сомин заявила, что после сегодняшних приключений она отстала от учебного графика, опустив, однако, тот факт, что она уже давно все спланировала и выделила целый день, чтобы помочь Джихуну с переездом. Ее матери не нужно было этого знать. И даже если Миён бросила на Сомин любопытный взгляд, когда та выходила, она могла не волноваться: Миён не станет сплетничать.

Тут Сомин налетела плечом на трубу, прикрученную к грязной бетонной стене. Она зашипела от боли, потирая руку и проклиная себя за то, что отвлеклась. Она терпеть не могла этот узкий переулок. Он как будто намеренно чинил препятствия на ее пути, предупреждал, что ничего стоящего здесь не найти. Впрочем, возможно, на то оно и рассчитано, предположила Сомин. Чуну жил в мире, который прятался у всех на виду. В котором существа из легенд были настоящими, хотя никто в них больше не верил. Никто, кроме тех, кто достаточно суеверен, чтобы остерегаться подобных мест.

По переулку пронесся шепот ветра. Странно: любой порыв ветра обычно застревал среди узких высоток и внизу воздух всегда казался застоялым. Но Сомин почувствовала, как затрепетали волосы у ее ушей, и что-то услышала. Шепот. Звуки медленно складывались в слоги, и Сомин вдруг почувствовалось, будто шепот говорит ее имя. Тихое шипение звало ее.

Она уловила слабый запах лакрицы.

По шее у нее пробежали мурашки. Ощущение такое, будто за ней наблюдали.

«Не оборачивайся, – сказала она себе. – Просто продолжай идти. Ты уже почти у двери».

Но, как типичная героиня фильма ужасов, Сомин проигнорировала свой внутренний голос и медленно повернула голову в сторону. Краем глаза она смогла разглядеть фигуру человека. Он стоял позади нее не более чем в двух шагах. У него было такое бледное лицо, что оно казалось почти прозрачным. Темные волосы, обсыпанные серебром. Ввалившиеся щеки. И кепка, низко надвинутая на глаза.

²⁶ Сунын (*кор.* ##) – экзамен на академические способности, или CSAT, который в ноябре сдают выпускники третьего класса старшей школы. Чтобы ученики не опоздали на экзамен, многие компании в этот день открываются на час позже, а автобусы и метро ходят чаще.

– Кто?.. – начала Сомин, но, как только слова сорвались с ее губ, человек исчез. И ветерок вмиг утих. На Сомин внезапно навалился летний тягучий воздух, хотя солнце уже заходило. Как будто вся влажность Сеула надавила ей на грудь. У Сомин закружилась голова, все поплыло перед глазами, в ушах зазвенело. Она ударила кулаком в грудь, пока легкие судорожно сражались за воздух, прокашлялась, и, похоже, это помогло, так как ей удалось сделать глубокий вдох.

– Возьми себя в руки, Ли Сомин, – велела она себе, сделав два щедрых глотка воздуха. Ей стало лучше.

Она отогнала странное чувство, которое все еще щекотало ей нервы, и позвонила в дверь Чуну. Она считала свои вдохи и добралась только до тринадцати, когда дверь открылась и перед Сомин предстал Чуну. После больницы он переделался в простые джинсы и футболку, а волосы у него были немного влажными, как будто он недавно принял душ. По одной из прядей стекла капелька воды и упала ему на плечо. Замечала ли Сомин раньше, какие у него широкие плечи? Не слишком широкие, но явно свидетельствующие, что в этом жилистом теле есть сила.

– Сомин-а? – позвал Чуну, и она поняла, что все это время она молча на него пялилась.

– О, извини. – Сомин прочистила горло, готовясь начать свой монолог. – Я просто...

– Проходи, – прервал Чуну ее отретпетированную речь.

– Что?

– Зайдешь, может? Я только что заварил чай. – Он пошел внутрь. Сомин едва успела поймать дверь, прежде чем та врезала бы ей по лицу.

Он это нарочно? Но нет, она не станет лишней раз на этом зацикливаться. Нужно собраться с мыслями, произнести заготовленную речь и уйти, как только он согласится, что поцелуй был ошибкой. Оплошностью. Неоговоренным пари. Одной из многих игр Чуну. И Сомин пришла сказать ему, что игра закончилась вничью.

Войдя внутрь, она разулась в прихожей. Квартира буквально блестела чистотой. Пол под ногами был прохладным – и освежающим, особенно после уличной жары.

Когда Сомин шла по коридору в поисках кухни, ее внимание привлекла одна из комнат. Внутри она увидела огромный сверкающий рояль и полки с книгами. Полки покрывали все стены, и Сомин изумленно раскрыла рот: так много их было.

Она выбрала книгу наугад. Это оказалась поваренная книга. Вторая – сборник старинных европейских сказок. Сомин пролистала страницы, на которых красовались искусно нарисованные феи, русалки и ведьмы.

Следующей она взяла книгу о мальчике-волшебнике. Она была написана по-английски, поэтому Сомин не смогла прочесть название. Но она узнала обложку; ни один ребенок, родившийся за последние тридцать лет, не мог ее не узнать.

– Это первое издание.

Она развернулась, крепко прижав книгу к груди.

В дверях стоял Чуну с двумя чашками горячего чая. Он поставил их на стол рядом с креслом, которого Сомин не заметила. Оно выглядело удобным – в таком кресле вполне можно провести несколько часов, не сдвинувшись ни на дюйм.

– Эта комната такая... уютная, – сказала она. – Я от тебя такого не ждала.

– Я тоже люблю комфорт, – пожал плечами Чуну.

– Я всегда мечтала о библиотеке, – призналась Сомин, оглядывая высокие полки. – Не хватает только камина, и тогда было бы идеально.

– Никакого камина, – отрезал Чуну. – Я ненавижу огонь.

А вот это странно. Особенно для токкэби. Сомин вспомнила сказки об огне токкэби, высоком голубом пламени, которое возвещало о прибытии гоблинов. Или это просто миф?

– Не знала, что ты любишь читать. – Сомин убрала книгу обратно на полку.

– Кто сказал, что люблю? – усмехнулся Чуну. – Многие из этих книг – просто коллекционные издания, они стоят больших денег.

Сомин взгляделась в него, пытаясь понять, прочесть, но безуспешно. Затем потянулась рукой себе за спину и достала потрепанное и подержанное издание «Ходячего замка Хоула».

– И сколько это стоит? – взглянула она на страницы с загнутыми уголками. – Пятьсот вон? Чуну ухмыльнулся, довольный тем, что его поймали на лжи.

– Время от времени я действительно почитаю хорошие книжки. В конце концов, я жил во времена без телевизоров. Но ты ведь пришла не для того, чтобы расспрашивать о моих любимых способах скоротать время, да? – Чуну шагнул к ней. Еще один шаг – и он оказался бы чересчур близко. Она услышала его запах – смесь шампуня и лосьона после бритья.

Сомин знала, что ей лучше заговорить сейчас, иначе она забудет, зачем вообще пришла.

– Я пришла, потому что... – Она замолчала, не сумев вспомнить продолжение своего тщательно продуманного монолога.

– Да, пожалуйста, расскажи мне, зачем же ты пришла, – усмехнулся Чуну и сделал к ней еще один шаг. Она попятилась и выставила руку. Это остановило его. Слава богу. Сомин не представляла, что делать, если он прикоснется к ней. Она чувствовала себя пучком проводов под напряжением, готовых вспыхнуть от одного его присутствия.

– Я пришла обсудить то, что произошло. – Сомин почти поморщилась. Она хотела казаться более уверенной в себе, но в итоге выглядела как ребенок, который «играет во взрослого». Но было слишком поздно.

Чуну изумленно усмехнулся:

– Обсудить? И все?

– Да, и судя по тому, что мы, похоже, друг друга недопоняли... я рада, что пришла. – Вот оно снова: ребенок, притворяющийся взрослым.

– Я тоже рад, что ты пришла. – Ухмылка Чуну превратилась в широкую улыбку – слишком злую, чтобы назвать ее дружелюбной.

– Прекрати, – строго сказала Сомин, и Чуну наконец отодвинулся.

Она заметила, что всякий раз, когда она говорила ему, что ей что-то не нравится, Чуну прислушивался. Словно он и правда не хотел без ее разрешения вторгаться в ее личное пространство. Это совсем не вязалось с его образом грязного бабника и мошенника, как она его называла.

– Тот поцелуй... – Сомин снова умолкла, погрузившись в воспоминания. Она жалела, что так хорошо его помнила. И жалела, что где-то в глубине души ей хотелось снова попробовать Чуну на вкус. Как десерт, который не следует есть. На который у нее аллергия. От которого она покроется сыпью.

– Да? – Чуну терпеливо и выжидающе наблюдал за ней. Сомин знала, что это всего лишь маска. Он ждал подходящего момента, чтобы сломить ее решимость.

– Этого не должно повториться, – наконец заявила Сомин.

– И почему же? – любезно поинтересовался Чуну. Слишком любезно.

– Потому что мы не... мы не можем. Этого просто не случится... это не может повториться. – Она запинаясь, как будто только училась говорить. Казалось, ей не собрать из слов хоть сколько-нибудь убедительное предложение.

– Понимаю, – кивнул Чуну. – Ну, не могу же я заставить тебя делать то, чего ты не хочешь. Так что, если это все... – Он направился обратно в прихожую.

Сомин не могла поверить, что все оказалось так просто. И переживала, не осталось ли между ними недоразумения. Ей нужно было, чтобы Чуну понял, что этот поцелуй не значил ничего – даже меньше чем ничего. Он непременно обязан это понять. Потому что сама она начинала в этом сомневаться.

– Подожди. – Сомин схватила Чуну за руку, но, должно быть, дернула слишком сильно (она частенько перебарщивала с силой, когда была встревожена), и рывком притянула его к себе. Они бы упали на пол, если бы он не схватил ее за руки, каким-то образом удержав равновесие.

Ей хотелось вырваться из его объятий и вместе с тем еще сильнее хотелось в них остаться. Сомин была их тех, кто всегда следует своим собственным правилам. И ее правила строго запрещали ей вступать в отношения с кем-либо навроде Чуну. А еще она была из тех, кто всегда получает желаемое. И прямо сейчас она желала Чуну.

Поэтому Сомин приподнялась на цыпочки. Этого оказалось недостаточно: она была слишком низкой, а он – слишком высоким. Но в тот же миг Чуну наклонился к ней, и их губы соприкоснулись.

Они вцепились друг в друга, и Сомин попятилась, потянув Чуну за собой. Что-то твердое впилося ей в бедро. По комнате эхом разнесся шум. Но Сомин было все равно: она потянулась и обхватила руками шею Чуну, крепко прижимая его к себе.

Ей нравилось ощущать прикосновение его губ на своих. Все здравые мысли вылетели у нее из головы. Она чувствовала себя невесомой. Только сейчас Сомин вдруг осознала, насколько напряжена была все это время, пока не ослабло давление на ее висках и плечах. Она удовлетворенно хмыкнула и почувствовала усмешку Чуну на своих губах.

Он углубил поцелуй. Они были словно два урагана, столкнувшихся посреди океана. Сомин захлестнули чувства, слишком сильные и слишком разнообразные, чтобы в них можно было разобраться. Да она и не хотела думать. Она только хотела испытать, прикоснуться, почувствовать. Как приятно было просто чувствовать.

Затем Чуну высвободился, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха. Сомин прижалась к нему, ноги у нее дрожали, вот-вот грозясь подкоситься. Она наконец поняла, откуда взялся тот шум. Она наткнулась на рояль.

Ее взгляд скользнул к Чуну; они дышали часто, в унисон. Сомин хотелось, чтобы он снова поцеловал ее. Хотелось, чтобы он продолжил. Его глаза сверкнули, заметив ее невысказанную просьбу, и Чуну положил руки Сомин на бедра. Он поднял ее так легко, будто тело ее было из дыма, пара, но не из твердой плоти. Как будто она в следующий миг уплывет прочь. Может быть, она бы и уплыла – ее трясло от предвкушения, – может быть, она бы разлетелась на миллион частиц. Затем Чуну бесцеремонно усадил Сомин на полированную деревянную крышку рояля, и она уперлась пальцами ног в клавиши, на что инструмент отозвался очередной какофонией. Сомин почувствовала, как рояль под ней вибрирует.

Чуну придвинулся к ней. Он тоже уперся ногами в клавиши, и теперь каждое их движение сопровождало звучание нот. Чуну обхватил Сомин рукой за шею. Она держалась за него, как за якорь. И тогда его губы завладели ее.

Сомин чувствовала себя так, словно она горела, словно она вот-вот превратится в пар. Одежда казалась слишком тесной, и она потянула за воротник, пытаясь сорвать рубашку. Чуну опустил ее руки.

– Куда ты так торопишься? – сказал он с улыбкой, которая почему-то не раздражала ее до полусмерти. На самом деле она вроде как даже показалась Сомин милой. – У нас еще много времени.

– Я чувствую, что если ты не будешь меня целовать, то я, возможно, скоро начну слишком много думать, – выдохнула Сомин.

Она попыталась снова поцеловать его, но по коридору эхом прокатился стук в дверь. Сначала Сомин подумала, что это плод ее воображения. Или, может быть, громкое эхо ее собственного сердца. Но стук раздался снова, и на этот раз к нему присоединился рев:

– Чуну, секки-я! Выходи!

Сомин приподняла бровь:

– Твой друг?

Чуну, похоже, понял, кто это, и застонал, прижавшись лбом к ее лбу. Он крепко держал ее за талию, как будто не хотел отпускать.

– Значит, скорее просто знакомый? – спросила Сомин.

– Не ходи никуда, – велел Чуну, прежде чем протопать по коридору.

Сомин подумывала пропустить его приказ мимо ушей и пойти следом, но решила, что от нечистых делишек Чуну лучше держаться подальше. Она осмотрела себя. Волосы выбились из хвоста. А рубашка была помята и наполовину задрана. Сомин одернула ее. Наверное, это к лучшему. Если бы все зашло еще дальше, утром она определенно возненавидела бы себя.

По коридору эхом пронесся громкий треск, а за ним – глухой звук удара. Наплевав на просьбу Чуну остаться, Сомин выбежала в прихожую – и раскрыла рот от удивления.

Если бы она не знала, что ее близкая подруга на самом деле мифическая девятихвостая лисица, Сомин бы не поверила в то, что перед ней предстало. Впрочем, она все еще сомневалась, верить ли собственным глазам.

Стоявший в дверях мужчина походил на неуклюжего зверя с носом картошкой и темными, сверкающими глазами. Волосы у него были жесткие и выгоревшие. Одежда – порванная и изношенная. Ростом он был по меньшей мере метра два. А перед ним на полу, на осколках разбитой вазы, стоявшей раньше в проходной, распростерся Чуну. Руки его покрывали порезы, и еще один виднелся на подбородке. Сомин недоуменно на них уставилась: крови не было.

Существо, нависшее над Чуну, вытащило что-то из-под своих отвратительных одежд. Что-то, похожее на узкую дубинку. И вдруг до Сомин дошло. Он токкэби. Или по крайней мере то существо, которое она и миллионы корейских детей привыкли называть токкэби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.